

Издательский Кооперативный Союз
„КООПЕРАЦИЯ“.

М. В. Новорусский.

КАК Я ВЫСИДЕЛ ════════════
═══════════════════════════════════

═══════════════════════════════════ **ЦЫПЛЯТ.**

ПЕТРОГРАД.

Надеждинская 36, кв. 11. Тел. 226-83.

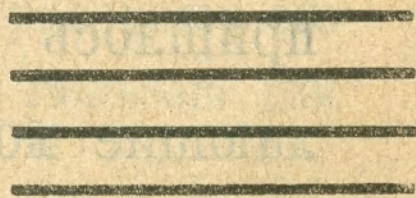
1920.

Издательский Кооперативный Союз

„КООПЕРАЦИЯ“

М. В. Новорусский.

КАК Я ВЫСИДЕЛ

ЦЫПЛЯТ.

ПЕТРОГРАД.

Надеждинская 36, кв. 11. Тел. 226-83.

1920.

В основу этого рассказа положен автобиографический очерк автора из жизни его в Шлиссельбургском заточении. Но рассказ написан еще в 1914 г. и по тогдашним условиям место действия и внешнюю форму пришлось придумать другую. В настоящее время желающие могут прочесть об этом необыкновенном эпизоде в только что вышедших «Записках Шлиссельбуржца» М. В. Новорусского—(стр. 128—130).

Март 1920 г.

Как я высидел цыплят.

I. На необитаемой скале.

В моей жизни было одно удивительное происшествие. Оно редко с кем может случиться. А потому, если я расскажу его всем, то очень многие прослушают мой рассказ с пользою для себя.

Вышло так, что целый год я прожил сторожем на маяке. В этом, разумеется, не было ничего необычайного. Маяков теперь настроено очень много,—они есть у всякого морского и даже не морского, но опасного побережья. А где есть маяк, там непременно должен быть и сторож.

Но вы слушайте дальше.

Это было в Англии. Очутившись здесь, я несколько месяцев проработал на механическом заводе простым рабочим. Не легко это было и чуть было не окончилось для меня очень печально. Раскаленные печи, огненный металл, жгучий воздух, весь пропитанный металлической и угольной пылью да едким, кислым запахом, быстро расшатали мое здоровье. С каждым днем у меня грудь болела все сильнее и сильнее. Я крепился, пока мог, но, наконец, слег окончательно.

Приглашенный доктор потребовал, чтобы я совершенно бросил завод, а для поправления легких пожил подольше на берегу моря в сельской местности.

Пришлось подчиниться этому суровому приговору, хотя у меня не было никаких средств на то, чтобы заплатить за хороший берег моря и за его живительный воздух.

В это время мне попало об'явление в газете, что где-то у южного берега Уэльса ищут сторожа для маяка.

— Превосходно. Это как раз для меня, подумал я.

Недолго думая, я сажусь в поезд и еду по указанному адресу. А еще через день дело было уже покончено. Я подписал контракт, в котором было сказано, что я обязуюсь прожить ровно год на маячной скале. Почему-то там было прибавлено, что я не могу покидать маяк ни разу, а зажигать и тушить фонарь должен ежедневно по точно установленному росписанию. Много там было и еще разных строгих правил, но они не относятся к моему рассказу и потому я не буду говорить о них.

Подписал я контракт все-таки не сразу, а после долгого раздумья.

— Шутка ли, целый год на необитаемой скале!

Я видел, что маячная башня построена прочно и что жилье в ней устроено надежно. Только отстоит она ровно на 2 версты от берега, на котором расположена небольшая рыбацья деревушка. Будь я семейный, жить на такой скале не было бы так жутко. Но я был один, как перст, и круглое одиночество пугало меня заранее.

Однако расстройство легких—дело не шуточное. А дружеский совет доктора положил конец всем моим колебаниям. Решено и подписано. А потому 27-го августа 1912 года, я храбро переплыл на рыбацье лодке в свое необычайное жилище.

Два рыбака, Джэк и Джон, оставили мне провизии на двое суток и быстро поплыли обратно. Отныне они будут приезжать ко мне регулярно через день, а если случится буря, то мне придется немножко поголодать до хорошей погоды.

II. Мое жилище.

Скала, на которой стоял маяк, одиноко высилась над морем. Со стороны берега, в некотором отдалении от нея, выступало множество подводных и надводных камней. Из них один был только вдвое меньше моей скалы.

Все они были той же самой породы, как и сама скала т. е. состояли из плотного темносерого слюдяного сланца. Крепкий камень, немного слоистый, не боялся никакой бури, и в спокойном сознании своей мощи, он равнодушно переносил самые свирепые удары волн. Брызги от них достигали только до основания башни. Они не могли попасть ни на площадку

перед входом ея, ни в жилище сторожа, которое было пристроено вплотную к самой башне.

Века и тысячелетия не прошли даром для этой скалы. Они провели на ней глубокие выемки и борозды. Но в них только изредка заглядывал самый бешеный девятый вал. И тогда он оставлял здесь целую пелену своей нежной, искристой, как-бы пушистой белой пены.

На площадке, защищенной со стороны моря высокой стеной, была почва. Бог весть, сама ли она накопилась здесь, или привезена была сюда после постройки маяка. На ней росло несколько мелких кустарников разного вида и было разбито три грядки. На этих грядках мой предшественник выращивал для себя овощи. Четыре или пять стержней брюссельской капусты еще стояли на своих местах. Кое-где виднелась также зелень сельдерея. Было ясно, что все это изобилие плодов земных теперь поступит в мою пользу.

Моя квартира состояла из нескольких комнат. Одна из них была превращена в настоящую мастерскую. В ней был хороший набор слесарных и столярных инструментов. Здесь мне предоставлялось проводить свои долгие досуги за работой, которую я могу придумать сам сообразно своим вкусам и способностям. Мне говорили, что мой предшественник, уже большой старик, был недурной слесарь и он выпускал отсюда свои мелкие изделия на продажу.

В кабинете был большой шкаф с книгами и много старых газет и журналов. Можно было заниматься и ручным трудом, и умственным. Досуга было сколько угодно, и отныне я мог пользоваться им как мне заблагорассудится.

Дела же было совсем немного. Я должен был следить за фонарем, держать его в полной исправности, заправлять и доливать керосином, вечером зажигать, а утром на рассвете тушить. В первые дни, пока я не убедился в исправности фонаря, я плохо спал ночью и несколько раз поднимался к нему, чтобы удостовериться, что он горит как следует.

Я хорошо понимал, что мой путеводный фонарь в течении ночи укажет правильный путь не одному судну, плывущему вдоль берегов Англии. Но представим себе, что он потухнет хотя бы только на полчаса. Кто скажет, какое крушение и с кем может случиться за эти немногие минуты?

Но фонарь действовал всегда правильно. и мне не было надобности вставать и следить за ним по ночам.

III. Вода и небо и ничего больше.

В первые дни глубокий покой охватил все мое существо. Погода как нарочно, стояла превосходная. Море было зеркальное, или покрывалось только незначительной рябью. С высоты моей башни открывался безграничный простор во все три стороны. И только небольшая полоса берега с четвертой стороны нарушала картину этого необъятного простора. Нарушала, но и разнообразила ее.

В бинокль я хорошо различал, что делается на берегу и как движутся там люди, или животные. Вечерние лучи заходящего солнца ударялись в окна жилищ, и тогда бросали ко мне свой яркий отблеск. Глядя на них можно было подумать, что тогда рыбаки раскладывают костры среди своей деревни.

На взморье постоянно белели паруса рыбачьих лодок. А чистоту зеркальной глади вод нередко портил большой пароход, который оставлял за собой длинную черную полосу дыма. По этой полосе сразу было видно, в какую сторону пароход направляется. Все они держали путь подальше от моей скалы, словно от зачумленного места. А я, провожая их взглядом, чувствовал к каждому такому пароходу какую-то родственную близость.

— Утекай подальше, мой друг, думал я. Будешь возвращаться ночью, так с надеждой устремишь взоры на мою уединенную скалу. Я буду крепко спать тогда. Но ты найдешь свой путь только потому, что я, неведомый тебе, засветил здесь свой яркий фонарь и тем показал тебе, куда нужно повернуть руль.

Вот и все мои развлечения. А затем, вода и небо, вода и небо. Вода гладкая, спокойная, неподвижная, однообразная или волнистая, зыбкая, пенистая и шумная. А небо... я никогда прежде не смотрел так долго и так часто на небо, как здесь!

Бывало, по целым часам лежишь на солнце на выступе скалы и смотришь, не сводя глаз, на прихотливую игру облаков. Вечно изменчивые, несутся они в необъятном просторе небес, то в одну сторону, то в другую. То сгущаются, то редуют, разрываются и расплываются совсем на нет. И поминутно у них новые очертания, новые капризные фигуры и новые удивительные подобия. Легкие, неуловимые и бы-

стрые, они казались мне тоже волнами на воздушном океане. Только волны эта клубились и таяли...

А ночью другие картины. Никогда я не видывал столько звезд, как здесь. Когда на земле смотреть не на что, поневоле смотришь на небо. И чем больше на него смотришь, тем больше ярких звездочек находишь в его бездонной и безвидной глубине. Только здесь мне стало ясно, почему моряки прежде держали свой путь по звездам и почему они до сих пор любят изучать небо. Им также, как и мне, на земле смотреть больше не на что. А небо так глубоко, так заманчиво и так бесконечно усеяно своими загадочными блесками.

Небо здесь редко бывает ясное. Но за то ночи в начале осени удивительно темные. При пасмурном небе буквально хоть в глаз коли.

Эту тьму, в направлении к морю, прорезал сноп света, выходящий от моего фонаря. Но по направлению к берегу она казалась еще более мрачной и еще более зловещей.

Мой выступ скалы, на котором я любил лежать, был обращен к морю, но от башни защищен крутым отвесом скалы. Здесь была всегдашняя тень, и фонарь нисколько не мешал мне углубляться в ночную тьму или в глубину звездного неба.

Кругом стоял немолчный говор воды. Ея легкая зыбь почти всегда лизала подножие моей крепкой скалы и разговаривала с нею на разные лады. По тону этого говора, то робкого и тихого, как шепот, то грозного и рокочущего, как бранный крик, я привык различать, в каком состоянии находится море, незримое в густой непроницаемой тьме августовской ночи.

Иногда я лежал здесь, замечтавшись, целые долгие часы. Иногда даже засыпал здесь под этот говор волн, который удивительно умел успокаивать и душевные тревоги, и приступы телесной немощи. Он буквально навевал золотые сны и очаровательные мечтания. Но очнувшись от гулкового удара какой-нибудь нарастающей волны, я долго не мог сообразить, проснулся ли я от сна, или просто встрепенулся от мечтаний.

Одно было несомненно когда я вышел любоваться темнотою ночи, то волны разговаривали друг с другом шепотом.

А теперь их шумный говор раздавался властно и целиком заполнял всю ночную тьму. Эта ночь, непроницаемая, мрачная и молчаливая в своей загадочной тишине, казалось, вдруг проснулась и заговорила о чем-то с небом. Уж не о том-ли, что где-то замешкался день и что мрачное небо долго не посылает желанного разсвета?

Иногда, напротив, я засыпал за укромным выступом утеса под громкий рокот волн, который гулко пронизывал черную непроглядную тьму. А просыпался среди глубокой тишины. Ветер дул с берега и теперь совершенно стих. Волны все ушли в море, а возле башни оставили чудную зеркальную гладь. Половина неба совершенно очистилась от облаков и оттуда глядели в море мириады ярких звезд и маленьких звездочек. Среди них красный зловецкий Марс отчетливо выделялся своим странным блеском и неудержимо привлекал к себе мое очарованное внимание.

Звезды вверху на небе и звезды внизу в море. От зеркальной глади они отражались так ярко, так отчетливо. И мне казалось, что они светились откуда-то из преисподней. Казалось земля, исчезла совсем. Я со своей скалой очутился в центре вселенной, и вся вселенная, куда ни взгляни, полна одних только звезд.

Уж не остался ли во всем мире только я один — единственный наблюдатель всего этого бесконечного звездного мира!

IV. В одиночестве круглом.

•Так потянулись дни за днями. Сначала меня все радовало и утешало. И бесконечный простор моря, и неподражаемая лазурь его. И рокот волн, и зеркало воды. Немолчный плеск прибоя, и безмолвная тишина безветрия. «Барашки» в облаках на небе, и «барашки» на гребнях волн. Чудодейственный соленый воздух, и животворные лучи солнца.

Пока было тепло, я и дни и ночи проводил на открытом воздухе. Кашель стал появляться все реже и реже, и я стал с радостью замечать, как силы мои прибывали, мускулы по немногу крепили и живительная бодрость начинала пронизывать все мои члены.

А вместе с тем, как стали восстанавливаться мои силы, меня все сильнее и сильнее влекло на землю, которую я так легкомысленно покинул. Влекло к живым людям, с их радостями, заботами, горем и утешением. А больше всего — к разумному труду, к которому стремились мои крепнувшие и неиспользованные силы.

Удержусь ли я здесь до конца года? Или тоска по жизни доканает меня? И я сбегу раньше срока, чтоб не захиреть и не одичать здесь в полном убийственном одиночестве.

Удивительная это вещь — одиночество! Люди нередко надоедают нам. Тогда нам хочется бежать от них куданибудь подальше. Уйти на лоно природы, зарыться в книги, помечтать в уединенном уголку и даже пожить где-нибудь в лесу, в горах, или на одиноком, пустынном острове. Даже отшельником в какой-нибудь пещере.

Но попробуйте вы подольше остаться в полном одиночестве Нет, лучше и не пробуйте! Если вы человек живой, отзывчивый, и природа наделила вас добрым, любящим сердцем, в таком одиночестве тоска по людям заест вас. Ваше одиночество сначала станет для вас противным, потом тогостным и, наконец, в буквальном смысле слова, убийственным. И вы начнете вновь желать общения с людьми, — хоть с какими-нибудь людьми! Желать во сто раз сильнее, чем прежде желали уединения. Это желание будет расти у вас. И скоро станет таким страстным и жгучим, какого вы никогда прежде не испытывали.

Но все это я понял, — нет не понял, а почувствовал всеми фибрами моей души, — не сразу, а гораздо позднее. И чем дольше я жил здесь, тем чувствовал сильнее и сильнее.

Два рыбака, которые привозили мне провизию, принесли мне очень мало утешения. Как все рыбаки, они были неразговорчивы, да может быть им и говорить со мной было не о чем. Они были природные валлийцы и по английски говорили не совсем свободно. А так как я был прирожденным русским, то английский язык не очень легко сблизил нас. И потому наши разговоры не были особенно многоречивы. При том же они всегда спешили к своему делу и вовсе не расположены были засиживаться со мной. Правда, в воскресный день, бывало, я задержу их на полчаса. Но

что значит полчаса разговора после нескольких суток молчания? А приезжали ко мне почти всегда одни и те же лица. К ним я скоро привык и потому не мог получить от них впечатлений. И всегда затруднялся направить разговор на новые темы.

Из живых созданий меня долгое время радовали и развлекали перелетные птицы. Когда я поселился здесь, над берегом еще реяли ласточки. Но на моей скале оне не гнездились. Вероятно, оне боялись бурь, которые были опасны птенцам, пока они не окрепнут в полете. Но изредка все таки оне залетали сюда и садились на верхушке башни. Ночью на фонарь прилетало много насекомых, особенно почтовых бабочек. И мне стоило большого труда сметать их, чтобы оне не засиживались на рамах и не заслоняли свет.

Но с началом осени, к югу потянулись всевозможные перелетные птицы. И тогда моя скала превратилась в настоящий походный птичник, на котором стон стоял от разных птичьих голосов. Иногда этих гостей набиралось так много, что они сплошь покрывали не только крыши и карнизы зданий, но и выступы самой скалы.

Меня они совсем не боялись, может быть потому, что я был совершенно один, а может быть потому, что мой предшественник, долго живший здесь, никогда их не трогал. Таким образом он приучил их отдыхать на маячной скале без всякой тревоги и в полной безопасности.

Но и перелетный сезон скоро пришел к концу. С каждым днем у меня останавливалось все меньше и меньше залетных гостей. Наконец, стали появляться только изредка, в одиночку, самые отсталые из пернатых, да и те совсем исчезли.

Я снова остался совершенно один, и в первый раз почувствовал всю тяжесть своего одиночества. Пока кругом летали птицы, это одиночество как-то совсем не замечалось. А теперь мне стало особенно грустно. Не только оттого, что не было людей возле меня, но и оттого, что не было возле ни одного живого существа, которое внесло бы некоторое оживление в окружающее меня мертвое царство.

И действительно, на скале не было ни кошек, ни собак, ни какого бы то ни было животного. Вероятно, им здесь было совсем не «ко двору». Да и заботиться о их пропитании, когда все привозилось с берега, было бы только лишней обузой.

V. Гениальная мысль и первый опыт.

Один осенний вечер мне особенно памятен. Было необычайно грустно и слишком жутко. Мелкий дождь непрерывно хлестал в окно моего одинокого жилища, а бурный ветер свистел во всех щелях и готов был разнести башню по частям. В этот унылый и тягостный вечер как-то само собой, неожиданно нежданно, вдруг вспыхнула у меня блестящая мысль:

— А что, если я выведу здесь цыплят? Какое будет тогда оживление! Сколько будет развлечения, новых забот и невинных радостей!

Я слышал, что существует так называемая инкубация. Наседку для яиц можно заменить любой грелкой. Нужно только, чтобы она непрерывно поддерживала необходимую температуру, одну и ту же, без малейших колебаний. Мне казалось, что температура курицы не отличается от температуры человеческого тела. А значит, если я подвяжу куриное яйцо к собственному животу, то оно станет «насиживаться», и тогда я своевременно получу живого цыпленка.

Такая мысль осенила меня уже в середине ноября. Яйца у меня были в запасе, и этот запас возобновлялся каждый раз, как они были на исходе. Медлить я не любил. И если что решил, то прямо приступал к делу. Так и теперь. На другой же день утром я взял пару яиц из тех, которые были побелее и потому казались посвежее, вынул длинное полотенце, опоясал им себя по голому животу, и за полотенце, прямо к телу, положил оба яйца.

Через 5 минут они совершенно нагрелись и таким образом я начал насиживать.....

Повязка не мешала мне носить свой обыкновенный костюм. И скоро я так привык к своей мягкой и широкой опояске, что перестал замечать ее. Она несколько не мешала мне заниматься обычными делами. Нужно было только побольше осторожности, чтобы не сделать неловкое движение и не раздавить яиц. Ночью же я спал всегда на боку и спал очень спокойно, так что моим яйцам ничто не угрожало.

Так прошел второй день, прошел третий, прошел и четвертый.... Долго, мучительно долго тянулись они. И только великая цель, одушевлявшая меня, поддерживала во мне надле-

жащую бодрость и укрепляла то необычайное терпение, без которого я не вынес бы такого яйценошения. Не даром давно уже сказано, что гений, это—терпение.

На 6-й день, перекладывая их, я заметил, что от моих яиц идет какой-то нехороший дух. И меня стало брать сомнение. Быть может, я получу не цыпленка, а только тухлое яйцо. На 7-й день запах мне показался еще сильнее. Мое сомнение стало расти и крепнуть. Под влиянием его я заснул в грустных мыслях: неужели мой самоотверженный семидневный труд пропал даром?

От этого я спал очень тревожно, а в беспокойстве сделал неосторожное движение и слегка раздавил одно яйцо. Заметил это я уже проснувшись утром. И нельзя было не заметить, потому что запах под одеялом очень усилился. Я тотчас встал, развязал полотенце и ахнул от огорчения. Оттуда несся явственный запах тухлаго яйца, и я увидел, что на одном яйце было несколько трещин. Я тотчас разбил его совсем и убедился в том, что было ясно и без того: яйцо было совсем гнилое.

Одну минуту я колебался. Но затем, решительным движением разбил второе яйцо, хотя с поверхности его не было заметно ни малейшаго запаха. Оно оказалось довольно свежим, но все таки далеко не первой свежести. И никаких признаков зародыша в нем не было, да конечно и не могло быть.

Семь с половиною суток я лелеял несбыточные мечты. Мне казалось, я совершу чудо. Из бесформенной жидкости яйца на моем животе произрастет цыпленок и я подарю миру необыкновенное, еще невиданное создание.

Ведь в инкубаторе, если он хорошо устроен, всякий выведет цыплят. А вы вот попробуйте-ка их выносить на собственном животе! Где тот мудрец, который согласился бы на время превратиться в курицу? Втечении целых двадцати дней и ночей непрерывно нести куриные обязанности. И ни минуты забвения. Ни одного часа посторонних занятий, опасных для этой важнейшей цели. На двадцать дней выключить себя из среды живых людей, отказаться от всяких дел, больших и малых, и жить только одною мыслию,—как бы не раздавить яйца, привязанные на животе!

Такого мудреца, действительно, трудно было бы найти на свете. Ни один из них не согласился бы проделать такую

глупость, какую проделал я. Проделал потому, что забыл самую простую вещь: яйца нужно насиживать или класть в инкубатор совершенно свежие, недавно снесенные. Такие яйца бывают весной да летом, но их очень трудно найти осенью. Мои же яйца взяты прямо из лавки в ноябре, конечно, давно уже были мертвыми. И никогда никакая наседка не могла бы оживить их.

Забыл я еще и вторую столь же важную вещь. Температура курицы и температура человека не одна и та же. У курицы она нормально держится около 40° , а человек умирает, если температура у него поднимается до 40° , чувствует же себя вполне здоровым только при $37,5^{\circ}$. А при такой низкой температуре и в самом свежем яйце зародыш едва-ли начнет развиваться. Значит, никогда никому не удастся выносить цыпленка на собственном животе, хотя бы он и поклялся совершить этот подвиг на удивление людей.

Все это я узнал позднее, когда, огорченный неудачей, засел за книги. Я откопал эти сведения в краткой энциклопедии, которая находилась в библиотеке башни. Поэтому я был доволен, что мой горький опыт помог мне приобрести правильные сведения и что я получил урок в таком деле, которым я прежде никогда не занимался.

VI. Я строю инкубатор.

Но получивши эти сведения, я вовсе не думал окончить этим. Напротив. Теперь я еще больше укрепился в мысли— вывести во что бы то не стало цыплят искусственно. Ведь не напрасно же я 7 суток, не зная покоя, лелеял эту мечту! И, казалось, был так близок к ее осуществлению!

Правда, знания мои на этот счет и теперь были не обширны. А именно, я знал только, что для искусственной выводки цыплят существуют различные аппараты разных систем. У всех этих аппаратов одно общее: температура поддерживается нагретой водой, примерно, на $39—40^{\circ}$ по Цельсию и должна как можно меньше колебаться в обе стороны.

Этого мне было совершенно достаточно.—Каковы бы там ни были системы, решил я, но я построю аппарат, который будет вполне удовлетворять своей цели. И, конечно, теперь уж получу настоящих цыплят.

Так я мечтал и тем утешал себя в своей неудаче. А в то же самое время безо всякой пощады я укорял себя за непростительную глупость:

— Хорош артист! Собрался делать великие дела, а сам не знал даже и того, что насиживаются яйца только свежие. Готовился быть великим механиком, а забыл такую вещь, которую всякая баба на деревне знает. Телятина, а не механик!

Времени у меня было слишком достаточно и я мог обдумать свой новый опыт во всех подробностях. Я уже знал, что в рыбацком поселке на берегу водятся куры. Значит, в апреле, когда они нанесут яиц, я могу получить их в самом свежем виде. В апреле но не раньше. А до тех пор у меня целая зима впереди. За это время можно построить хоть несколько аппаратов, и какой угодно системы.

Я стал обдумывать, как бы удобнее и практичнее соорудить такой аппарат домашним способом. Я не мог делать особых затрат, да мне и не хотелось прибегать к помощи знающих и опытных мастеров.

Прежде всего, нужно было убедиться, достаточно ли нагрева дает та маленькая лампочка с плоской горелкой, которая светила у меня на кухне. У меня был небольшой жестяной тазик. Я установил его на подставке, налил воды, закрыл крышкой и подставил снизу эту самую лампочку.

Термометр у меня был настенной, т. е. на деревянной пластинке. Через полчаса я погрузил его в воду и увидал, что она нагрета до 45° . Значит, тепла будет достаточно, и с этой стороны я не встречу никаких затруднений.

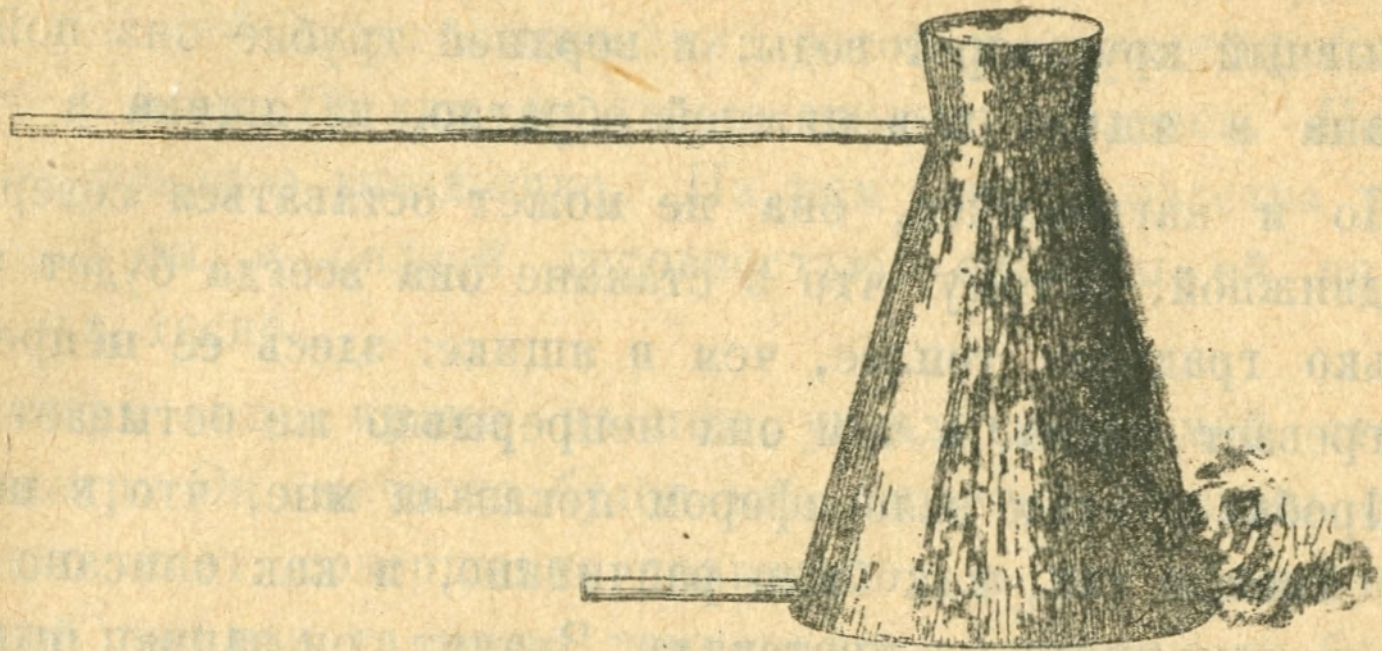
Теперь нужно обдумать, как устроить мою грелку для яиц, чтобы яйца насиживались не хуже, чем под курицей. Для этого, конечно, нужны три вещи:

Первое, чтобы нагрев производился сверху, словно на яйцах в инкубаторе сидит согревающая их курица. Второе, чтобы все яйца нагревались одинаково и ни одно не охлаждалось от наружного воздуха. Третье, чтобы воздух непрерывно притекал к яйцам, и молодая жизнь, которая зарождается в них, не могла задохнуться от недостатка воздуха. Наконец, нужно также, чтобы грелка была только грелкой, а не сушилкой, иначе яйца в ней высохнут прежде, чем окончат свое развитие.

Обдумавши все эти обстоятельства, я прежде всего начал строить «калорифер» или водяное отопление. Для этого мне

был нужен лист белой жести и паяльник. И то, и другое у меня нашлось в слесарной мастерской.

Я вырезал две четырехугольные пластинки величиной в 10×10 д. и две длинные полоски жести в 1 дюйм шири-

ной и спаял из них квадратный плоский ящик. Это — мой будущий бак, для воды. Отдельно я спаял конусовидный сосуд, в который входило 1 стакан воды, и сбоку его, вверху и внизу, впаял под прямым углом две трубки, спаянных предварительно из жести (см. рис.). Одна трубка очень короткая, не больше 3 д. длиной; другая — до 10 д.

Первую я впаял другим концом в бок жестяного ящика. Предварительно установил их так, чтобы конический стакан и самый ящик могли ровно стоять на поверхности стола, — ящик в лежащем, а стакан в стоячем положении. К концу же второй трубки я припаял, под прямым углом книзу, еще небольшую трубку. Длину этой припайки я рассчитал так, чтобы другой конец ее вошел внутрь плоского ящика сверху.

Таким образом у меня получалась замкнутая система для движения воды. Если лить воду сверху в горло конического стакана, то она будет уходить из него нижней отводящей трубкой в плоский ящик. А наполнивши его весь, она начнет подниматься одновременно как в стакане, так и в трубке, которая идет из середины ящика вверх. Поднявшись одновременно до верхней длинной соединительной трубки, она наполнит ее всю и затем станет переливаться через край из горла стакана.

Наполнивши, таким образом, водой всю эту нехитрую водную систему, я заткнул наглухо горло стакана и начал подогревать его снизу. При этом должен был установиться ток воды, противоположный тому, который только что описан.

А именно, вода нагреваясь у дна стакана, как более легкая, должна подняться кверху и, за наимением выхода, устремиться по верхней боковой трубке. На ее место тотчас поступит холодная вода из ящика по нижней боковой трубке. И таким образом, пока вода в ящике не нагреется, установится непрерывный круговорот воды: в верхней трубке она пойдет из стакана в ящик, а в нижней обратно, из ящика в стакан.

Но и нагревшись, она не может оставаться совершенно неподвижной, потому что в стакане она всегда будет на несколько градусов теплее, чем в ящике: здесь ее непрерывно подогревает лампа, а там она непрерывно же остывает.

Проба с этим калорифером показала мне, что в нем все идет именно так, как было рассчитано, и как описано здесь. Вода в нем нигде не протекала. Значит, он запаян был везде крепко. И вода в ящике (баке), действительно нагревалась, хотя он и был устроен вдали от самого подогревателя.

Нужно было теперь устроить два деревянных ящика. Один большой, в котором поместился бы мой калорифер, и другой — поменьше, выдвижной. Последний должен служить гнездом для яиц. Сделать это было уже гораздо легче. Я сбил глухой ящик из полудюймовых досок на манер комода. В нижней части одной его стороны сделал вырез для небольшого выдвижного ящика, высотой всего в $3\frac{1}{2}$ д. Этот ящик имел размеры 12×12 д. и был очень легкий, потому что дно у него было из картона.

Над ним, на высоте не больше 1 д. я установил бак своего калорифера. Он опирался своими углами на 4 переключки, которые были привинчены на одинаковой высоте по углам внутри комода. Стакан калорифера поместился снаружи у правого бока комода. И в этом боку для выхода боковых трубок, связывающих бак со стаканом, был сделан соответствующий вырез. К сожалению, я не заделал потом наглухо этого выреза. И потому испорченный воздух от лампы немного проникал внутрь комода и, должно быть, вредил успеху моего предприятия.

В передней стенке выдвижного ящика я просверлил несколько дырочек для свежего воздуха, а по задним углам его установил жестяные стаканчики, которые спаял нарочно для этого и наполнил мелким песком. Песок нужен был для того, чтобы поливать его водой и таким образом поддерживать возле яиц некоторую влажность.

В верхней стенке комода сделаны были отверстия по-крупнее, чтобы в них уходил нагретый и застоявшийся воздух. Их я собирался затыкать ватой, и таким образом, думал усиливать или уменьшать проветривание, а вместе с тем и охлаждение внутри аппарата.

Выдвижной ящик я наполнил ватой и, в виде пробы, положил в него 12 яиц из своего пищевого запаса. Получилось прекрасное гнездышко. На нем любая наседка расположилась бы с полной готовностью, если бы ей не было здесь так тесно.

Поверх яиц, прямо на них укладывался мой стенной термометр. Он ежечасно будет мне свидетельствовать о том, что дело идет совершенно правильно, и что яйцам предоставлена как раз та самая температура, которая необходима для их развития. Конец пластинки термометра выступал немного наружу в особый прорез. Это для того, чтобы можно было извлекать его из ящика и вставлять туда, не выдвигая яиц и не охлаждая их.

Я не утерпел и испробовал свой инкубатор с мертвыми яйцами. Для этого установил его на прочной подставке такой высоты, чтобы стекло лампы как раз подходило под дно стаканчика, и зажег ее.

А затем, с замиранием сердца стал следить, как поднимается мой термометр над яйцами. Вот уж он показывает 30° . . . 31 . . . 32 . . . Медленно, но настойчиво движется вверх. Дальше его движение пошло еще медленнее и, наконец, он стал на $36\frac{1}{2}^{\circ}$.

Не хватало более $2\frac{1}{2}^{\circ}$, и я готов был уже растерзать себя от досады. Но взглянув случайно на лампочку, я увидел, что она горит очень слабым пламенем. Было ясно, что если выпустить фитиль побольше, то дело пойдет как следует.

Действительно, мой термометр снова полез в гору, и я в волнении вытаскивал его каждые 5 минут. От этого он, конечно, поднимался еще медленнее. Но вот, наконец, извлекая его в последний раз и с торжеством вижу вождеденное число 40.

Теперь я совершенно спокоен. Будет ли он подниматься выше или не будет, мне совершенно безразлично. Выше мне совсем не нужно. Даже напротив, нужно, чтобы он совсем не мог подниматься выше. Я тотчас тушу свою лампу, за-

тем беру из инкубатора пару яиц, пока они еще теплые, и через три минуты радостно превращаю их на кухне в яичницу.

Аппарат готов, и действует правильно. Я могу теперь почить на лаврах и безмятежно ждать животворной весны, когда получу свежие яйца для инкубации.

VII. Все живое из яйца.

В это время стоял январь. Зима была в полном разгаре. В окна хлестала мокрая вьюга и ее жалобный вой различными переливами отдавался во всех углах моего одинокого убежища. Но какое мне дело до бури и слякоти! Пускай за порогом идет опустошение и смерть. Я решил задачу возрождения жизни. В душе у меня раздавалась своя музыка. Я уже предвкушал несомненный успех моего дела, и все мои мысли неслись к весне. Она придет скоро, эта новая весна, и будет самой очаровательной весной в моей жизни. Тогда мне удастся доказать, что мои расчеты правильны и что я на бесплодной скале сумею создать жизнь . . . из ничего.

До весны было еще далеко. Но все-таки каждый новый час приближал меня к ней. Солнце с каждым днем поднималось все выше и выше, а лучи его заметно прогревали меня, когда я, прислонившись к южному откосу скалы, задумчиво всматривался в лазурную пелену моря. В ней, как всегда, прихотливо перебегала водная рябь. И еще прихотливее отражала она в себе и серебристые, мимолетные изгибы облаков, и яркий диск солнца. Оно не боялось воды, не потухало в ней, и своим отражением в море также ярко слепило глаза, как и своим диском на небе. Картина мне уже привычная. Я пережил дни, когда на эту картину падали те же самые мои взоры, но только скучающие и равнодушные. Пережил и другие дни, когда она вызывала во мне одну глубокую, неотвязную тоску.

— «Да, прекрасна природа, думал я тогда. Но любоваться ее красотами следует не иначе, как в обществе людей, тебе подобных. Иначе гложет и самое чувство красоты. Оно возникло и воспиталось не в безмолвии уединения, а в шуме общественной жизни. Одиночество, как слякоть, гасит

неумолимо наши возвышенные чувства и оставляет одно постылое равнодушие ко всему».

Теперь это равнодушие быстро соскочило с меня. Я предвкушал успех моего опыта, и все мои мысли неотвязно неслись к нему. Но меня увлекала уже не внешняя сторона дела. Углубляясь в него все больше и больше, я невольно задавался общей мыслью о том, как начинается жизнь и как она образуется из чего-то такого, что совсем не кажется живым. Да, наконец, и что такое есть эта самая жизнь? Почему яйцо недавно снесенное—живое, а яйцо, пролежавшее ровно один месяц, совсем мертво? Пусть оно остается таким же безукоризненно свежим как две недели тому назад. Однако из него никогда не появится живое существо. Никогда и никакими силами.

Моя скромная библиотека давала мне слишком мало сведений по этим вопросам, хотя над ними я стал теперь крепко задумываться. Я перечитал все, что имелось, и все-таки не нашел ответа на свои думы.

— «Вот там, думал я, на берегу, скоро начнут опять слетаться разные перелетные птицы. Одними из первых прилетят жаворонки и скворцы и огласят воздух своими громкими торжествующими песнями. Они будут торжествовать свой прилет и свое участие в победном шествии весны. Но в то же время неслышно и незаметно они будут заниматься удивительным делом размножения жизни. В заботливо устроенные гнезда они нанесут яиц и начнут высиживать потомство. Кто высидит двух птенцов, а кто и целых пять. А осенью, вместо одной пары птиц, с этого берега на юг полетят уже новые пары, которых недавно совсем не было на свете».

«Но вот здесь, у подошвы моей скалы, в глубине вод, идет та же самая работа, хотя идет она совершенно беззвучно и совершенно недоступно нашему непосредственному наблюдению».

«Морские воды еще богаче населены всякой живностью, чем воздушный океан. В воздухе плавают только птицы. Пускай они очень разнообразны. Пускай и величина их, и оперенье, и голос, и привычки очень разнятся друг от друга, Но все они все-таки птицы. Все несут в гнезда скорлуповатые, овальные яйца и одинаково насиживают их, согревая своим телом. Много им нужно потратить животной теплоты

прежде, чем бесформенное, однородное и неподвижное яичное вещество превратится в тонко образованное, живописное и подвижное тело птенца».

«Морские животные необыкновенно разнообразны. Рыбы, осьминоги, устрицы, крабы и морские звезды ничего общего между собой не имеют. У одного скелет снаружи, у другого внутри, а у третьего вовсе нет никакого скелета. Внутри, как и снаружи, все у них устроено по иному. Одно только у всех их общее: все несет яйца (или икру). Точнее сказать, все они не несут свои яйца с такою же заботливостью, как птицы, а бросают их прямо в воду. И бросивши, сейчас же совсем забывают о них. Вода, как теплая на поверхности, так и холодная на глубине, носит их безразлично куда и как. Носит до тех пор, пока жизненные силы доведут до конца какую-то сложную механику в каждом яйце».

«Тогда яичная оболочка лопается и из яйца выходит в воду совсем сформированный, готовый детеныш. Никто его не подогревал, не вызывал к жизни, не поощрял к развитию. Он сам развился в полной мере и явился из яйца самостоятельно. Явился вполне готовый продолжать жизнь своих родителей, хотя эти родители на век останутся неведомы ему».

«Но были ли его родители его родителями? И да, и нет. Они снесли яйцо. Если угодно, они тоже родили, но не его, а яйцо. Яйцо же совершенно не похоже на животное. А самое главное, родители снесли яйцо и этим закончили все заботы о своем потомстве. Ни одного настоящего детеныша они не вывели. Даже совсем никогда и не видали его. Значит, настоящими родителями они вовсе не были. Их бы следовало назвать просто яйценосителями».

«Так и размножаются в море все животные без роду и без племени. Есть там и молодое поколение и старое. Есть и яйца, и зародыши, которые сами собой выходят из яиц. Нет только ни детей, ни родителей. Нет нигде милого детства, ласковой заботы и нежного ухода за малышами. Нет здесь доброй родительской ласки, нет внимательной защиты беспомощных маленьких птенчиков».

«Вот, и сейчас здесь на безжизненной скале я размышляю о тайнах жизни. А ее крепкие отвесные бока, от которых с бессильной яростью отскакивают самые могучие волны, на-

верное, служат приютом для многих нежных маленьких яиц. На глубине 3—4 сажен уже не действуют никакие волны. Там безмятежно располагаются всякие животные. И многие из них из года в год либо складывают свои многочисленные яйца в щели и углубления скалы, либо прикрепляют их к голому камню. Складывают и уходят, чтобы больше не возвращаться».

«И одинокие, выброшенные, как негодная рухлядь, комочки живого вещества мирно покоятся здесь в объятиях мертвой, холодной, бездушной скалы. Она служит для них защитой, потому что дает им убежище от случайных повреждений и от алчных набегов всяких хищников. Уж не назвать ли эту скалу воспитательницей? За то, что в крепких и надежных складках ее каменного тела все эти яйца нашли тихое и безопасное пристанище».

«В этом жилище каждое яйцо спокойно переживает свою пору созревания, или свое время насиживания. В нем постепенно происходят под видимой неизменной оболочкой незримые, таинственные перемены. От этих перемен в нем что-то непрерывно развивается и что-то постепенно созревает. А затем, в один прекрасный день, оболочка яйца лопается и из него сразу выходит бойкий подвижной детеныш. Появляется настоящее маленькое животное, слабое, но вполне самостоятельное, потому что оно никогда ни от кого не встречало и не встретит ни помощи, ни заботы, ни ухода».

«Все они весело и резво поплывут по бескрайним пучинам моря. И в его необъятном просторе никогда не встретят своих родителей или тех, кто дал им начало жизни. Вечные сироты, обреченные самой природой на всегдашнее изначальное сиротство, они никогда ничего не будут знать о домашнем гнезде и о том, где они появились на свет».

«Так рождаются и развиваются миллиарды прекрасно образованных морских животных, да и всех вообще беспозвоночных животных.

«И вот, когда я лежу здесь, в этот самый момент во многих яйцах, может быть, в трех шагах от меня уже начинается это таинственное развитие. Оно никем не вызвано и никуда не направляется; но все-таки благополучно дойдет до своего конца и даст миру множество новых жизней, которых еще вчера совершенно не существовало на свете».

«Удивительнее всего здесь вот что. Все эти молодые животные рождаются без родителей и никогда не знают никаких воспитателей. Однако все они будут как две капли воды походять на этих самых родителей, или на тех, кто равнодушно бросил яйца и навсегда ушел от них. Они будут во всем подражать этим своим неведомым родителям. И во всех важных обстоятельствах своей жизни будут поступать точь в точь также, как и они. Словно будто они жили вместе с ними под одним кровом и переняли от них все их житейские привычки».

«Так прочно природа закладывает в недрах живого существа все его важнейшие проявления. Они развиваются и вырастают вместе с ним, как его неизбежный рок. Не нужно им учиться у родителей или заимствовать что-нибудь у воспитателей. Все это вложено было в них еще тогда, когда их на свете не было. Еще тогда, когда они в виде бесформенной тягучей жидкости помещались в маленькой крупинке—яйце, которое беззаботно было брошено их родителями».

Так текли и ширились мои мысли в ожидании того, когда и мне можно будет приступить к таинственному возрождению жизни.

VIII. Подожди немножко.

Дни шли своей чередой. Я углублялся в свои размышления, а они мелькали один за другим, как верстовые столбы на дороге, которая наверняка приведет к месту пристанища. Когда один день совершенно похож на другой, им скоро теряешь счет. Такие дни, ничем не отмеченные, совсем неинтересные, падают в вечность гораздо быстрее и гораздо незаметнее. А когда чего-нибудь верного ждешь настойчиво и упорно, то в конце концов непременно дождешься. Дождался и я своей весны.

Был конец марта. Я уже знал от моих рыбаков, что куры у них давно начали нестись и что в эту мою весну они исполняют свою обязанность не хуже, чем во всякую другую. Ждать мне больше было нечего. Дюжину свежих яиц теперь я мог получить, когда угодно. Но я не торопился. Ведь мне нужны были живые цыплята. Мне нужно было не только получить из «неживого» яйца — жи-

вое существо, т. е. быстрогого куриного птенчика, но и выростить его. Я хотел видеть собственными глазами, как эти птенцы будут чувствовать себя наедине со мною. И как будут они выростать, не видя кругом ни одного куриного существа. А для этого им необходимо солнце и тепло. Нужна и зелень в пищу, нужны и живые насекомые, за которыми так жадно охотятся быстрогогие птенчики. Зелень я должен сам развести на грядках, а насекомых даст цветущая весна.

Все это у меня будет в мае в достаточном количестве, но только не в апреле.

А тут еще рыбаки сообщили мне и про другое, весьма важное событие. 2-го апреля у них празднуется праздник пасхи. Яйца будут необходимы тогда в каждой семье. И можно думать, что до праздников их никто не отдаст мне ни за какие деньги. Пришлось подождать еще немного.

Наконец, желанный день настал, и 23-го апреля рыбаки привезли мне ровно 15 самых свежих яиц. Все они были снесены, по их словам, за последние 10 дней.

Рыбаки уже были посвящены в мои замыслы. Они охотно оказали мне эту услугу, но сами совершенно не верили, чтобы у меня что-нибудь вышло. Занятые исключительно морем, они никогда не помышляли о сельском хозяйстве. И во всем поселке у них никто не слыхал, чтобы цыплят можно было выгонять не под наседкой, а на керосинке. Их собственные цыплята получались всегда из под курицы, т. е. после того, как она их высидит. И они были твердо убеждены, что только одна курица и может произвести цыплят. Таким образом, как и у коровы: только одна корова может произвести теленка и никто другой заменить ее в этом не может.

— Просто, думали они, блажит наш маячный сторож. Скучно стало сердешному в одиночестве. От этого у него немножко ум за разум заходит. Но между прочим, почему же и не дать ему это невинное развлечение?

Мне они конечно, не говорили этого. Но я видел их лица, видел, как они обращались со мною, когда я говорил о своем инкубаторе. Было ясно, что они так думают, и твердо убеждены в своих мыслях.

Я не стал тратить времени на то, чтобы разубеждать их. Я понимал, что в таких вещах простого человека никогда

не разубедишь одними словами. Его научит только живой пример. Пусть мой опыт будет удачен, — в чем я почти не сомневаюсь, тогда мои рыбаки сами заговорят иначе. Нужно только показать им самих цыплят. Увидавши их своими глазами, они поверят мне и будут разделять эту веру с таким же непоколебимым упорством, с каким теперь отвергают ее.

IX. Приступаю к великому подвигу.

И так, завтра я начинаю. Это число, 24-е апреля, навсегда останется у меня в памяти.

Я нарочно отложил до завтра, чтобы начать с утра и чтобы иметь впереди целый день для наблюдения за лампой. За все дневные часы я еще мог ручаться. Буду почаще следить. Буду увеличивать или уменьшать пламя и проветривание. Таким образом я сумею поддерживать постоянно ровную температуру. Но за ночные часы? Кто поручится за них? И что может случиться за одну короткую ночь, если лампа зачадит и ее нагрев сразу понизится на 3 — 4 градуса?

Еще с вечера я заправил лампу как следует, наполнил ее керосином, прочистил горелку, обрезал светильню и поставил на место. Калорифер в инкубаторе наполнил свежей прокипяченной водой, чтобы жечь внутри его меньше ржавела. Из 15-ти яиц я положил в свежую рыхлую вату выдвижного ящика только 13 штук. Боялся, что если взять больше, то боковые яйца будут слабо нагреваться или быстро остывать.

Приготовивши все таким образом, я заснул сном проводника. И это был мой последний крепкий сон. Со следующего дня я превратился в наседку, и тогда испытал все тревоги и муки матери. Да. Ведь мать начинает беспокоиться о своем младенце задолго до его рождения.

В свое время на рассвете я потушил маячный фонарь и снова уснул, как убитый, так что проспал почти до 8 часов. Но едва я открыл глаза и вспомнил обо всем, как тотчас встал, чиркнул спичку, зажег лампочку и поставил ее под стакан калорифера.

Таким образом, ровно в 8 час. утра 24-го апреля моя инкубация началась.

С тех пор прошло уже больше 6-ти лет. Но всякая мельчайшая подробность этих дней передо мной стоит в памяти, как живая. Да и неудивительно. Пусть кто угодно попробует хоть раз в жизни оживить неживущее яйцо и вызвать у себя на столе из его каменной скорлупы настоящего живого птенчика. Когда ему это удастся, тогда и он будет прекрасно помнить все обстоятельства этого удивительного дела. Ведь он при таком деле занимает место творца, настоящего могучего творца жизни, потому что создает живого цыпленка своею волею. Правда, он создает его не из ничего. Но все-таки создает из такого вещества, которое совсем не похоже на цыпленка и которое по внешности не имеет с ним ничего общего.

Эти немногие дни, дни великого и таинственного творчества, у меня были полны самых сильных волнений и беспокойств, сомнений и надежд, радостей и огорчений. Ясно, что такие дни навсегда будут незабываемы.

Но кроме того, у меня сохранился подлинный дневник от того времени. Он самым точным образом воспроизводит передо мной все эти дни и все тогдашние переживания. Чтобы передать их читателю как можно вернее, мне остается только повторить его строки без всяких изменений. Разумеется, с теми сокращениями, которые необходимы здесь для связного и последовательного рассказа.

Х. Первый день насиживания.

24 апреля.

«Итак, я приступил, наконец, к своему священнодействию. Лампа горит чистым, ясным, но не ярким пламенем, и всей силой своего небольшого жара ударяет в дно жестяного стаканчика. А дальше начинает действовать физика, или «учение о жидкостях и теплоте».

Вода стаканчика поглощает целиком весь этот жар и разносит его по трубам в жестяной «бак». Здесь вся масса воды равномерно прогревается, нагревает до той же самой температуры все жестяные стенки, а через них—и воздух, находящийся в комод. От теплого воздуха нагреваются яйца, которые расположены как раз под этим самым баком. Все яйца насквозь прогреваются до 39°. От такого нагрева в них

что-то приходит в движение и что-то начинает действовать. Действие получается скрытое, но чрезвычайно важное. Но это уже совсем не физика.

Горит керосин. Жар его пламени ударяет в воду, а теплота воды ударяет в яйца. И эти тепловые удары производят какое-то магическое действие. Вроде какой-то живой воды, которая в детских сказках может оживить мертвого. Только сказочные кудесники производят разную небывальщину. Они превращают одно существо в другое, а потом снова возвращают ему его натуральный образ и его настоящую природу. А тут без всякого кудесника естественным путем совершаются удивительные вещи, совсем похожие на чудеса. Одно существо, яйцо, превращается каким-то волшебным образом в другое существо, — цыпленка. Мы называем это удивительное явление одним многозначущим словом «развитие». И думаем, что это слово объяснит нам и сделает понятным такое странное и таинственное событие. Как мало еще мы проникли в тайны природы!

Пока я умывался, варил себе кофе и завтракал, я не обращал никакого внимания на аппарат. Только что заправленная лампочка, конечно, будет гореть правильно. А холодная вода, пока не нагреется, ничего не сделает яйцам.

Но когда пробило 9 часов, я насторожился, выдвинул термометр в прорез ящика и увидел, что на нем стоит уже 35° . Значит, следует не зевать и смотреть в оба. Теперь невозможно уходить далеко из комнаты. Невозможно и занимать себя каким-нибудь делом. Попробуй немножко увлечься, тогда пропустишь момент и получишь роковые 41° . Это будет лихорадочная смертельная температура, которой не выносит и больной человек. От нее точно так же неминуемо погибнет здоровое яйцо. Вместо «развития» получится смерть и разложение.

Я стал посматривать на термометр все чаще и чаще. И когда он без всякой остановки дал мне 38° , я немедленно опустил фитиль лампы: очевидно, пламя было сильнее, чем было нужно. После этого, при дальнейших наблюдениях, термометр долго показывал одну и ту же цифру и наконец, стал опускаться. Но он опустился только до 37° и на этой цифре совсем остановился. Значит, я повернул регулятор больше, чем следовало, так как нагрев оказался слабее того, который нужен.

Я сидел возле аппарата с книгой в руке, рассеянно про-бегал ее страницы, а сам либо уменьшал пламя, либо уве-личивал, пока не добился своего: термометр стал на 39° и никуда больше не двигался. Стоит так час, стоит другой, стоит третий...

Когда я убедился в том, что термометр установился прочно, я позволил себе выйти на солнце, чтобы погреться в его лучах на своем излюбленном месте. Было уже 2 часа. Мой первый день оказался ярко солнечным. Его живительные веш-ние лучи словно поощряли меня к начатому творческому делу и предвещали ему полный успех.

Ведь вся жизнь на земле зависит от солнца. Она была порождена им когда-то и затем непрерывно поддерживается его могучими, согревающими лучами. Неужели слабое пламя моего ночника есть тоже отблеск сияния солнца? Неужели и Это пламя может совершить такую же животворную работу, какую совершает ежедневно огромное солнечное светило? И кто дал нашему скромному, прозрачному керосину эту див-ную силу великого солнца?

Я хотел было остаться до вечера на чистом воздухе, но не утерпел и уже через час побежал проведать свой инкубатор, хотя в этом не было ни малейшей надобности: термометр стоял на своем градусе так же неподвижно, как и прежде.

Но первый же шаг в комнату поразил мое обаяние: воз-дух здесь был густо насыщен керосином. Какая разница с чистым прозрачным морским воздухом, который обвевал мою скалу и мягко порхал за пределами комнаты!

Неужели ни этот керосиновый смрад, ни этот спертый воздух не помешают той таинственной работе, которая начи-нается внутри каждого яйца? Ведь для нее воздух так же необходим, как и верные 39°. Под влиянием этих соображе-ний, я выдвинул на 2 минуты весь ящик с яйцами и дал им вздохнуть свежим воздухом за дверьми комнаты. Я дей-ствовал так, как будто там уже завелись цыплята, которым стало трудно дышать.

К ночи термометр стал немного опускаться, вероятно, потому, что светильня уже нагорела. Я затушил лампу и вы-чистил светильню. Но когда зажег ее вновь, то сообразил, что сделал большую неосторожность. Для чистки я высоко

выдвинул фитиль, и теперь, когда зажег ее, мне снова пришлось устанавливать пламя как раз такой же величины, какой оно и было. Это делалось на глаз и делалось неточно. Новое пламя могло быть либо меньше, либо больше. И потому неизменное число градусов, которое мне удалось установить, будет поколеблено.

Пришлось сидеть далеко за полночь, чтобы выждать действие вновь очищенной лампы. И я лег в постель только тогда, когда убедился, что термометр стоит прочно и никуда не движется.

ХІ. Тревоги и бессонница.

(Второй день насиживания).

25 апреля.

Но лег я не на радость. Лампа не была испытана на продолжительное время, и я не мог быть уверен, как она будет действовать напр. на 18-й час непрерывного горения. Кто знает, что может случиться с ней при этом? Вот иное дело, если бы я проделывал с нею уже вторую или третью инкубацию! Тогда бы я знал наверное, что на второй день, как и на 20-й, она горит с одинаковым постоянством, и что ночное горение решительно ничем не отличается от дневного.

Меня смущало даже и такое обстоятельство. В комнате, где стоял инкубатор, и где я устроил спальню для себя, весь день была открыта дверь и большая форточка в окне. Значит, был небольшой сквозняк, который немножко умерял температуру нагрева. А ложась спать, я закрывал дверь, чтобы не получился опасный сквозняк, в том случае, если ночью поднимется ветер.

Значит, такого умеряющего действия, как днем, ночью уже не было. Кто знает, не повысит ли это закрытие двери температуру инкубатора на один лишний градус? А ведь этот единственный градус будет уже роковым!

Когда берешься за великое творческое дело, необходимо взвешивать всякий самый ничтожный факт. Давно ведь известно, что любое великое дело зависит от сложной цели мельчайших и ничтожных обстоятельств.

По всем этим причинам, я лег спать с большой тревогой в сердце. Мне так сильно хотелось преодолеть все затрудне-

ния и достигнуть вожделенного успеха, что одна мысль о какой бы то ни было неудаче повергала меня в отчаяние. Я заранее напрягал свои силы на то чтобы все обдумать, все предусмотреть и таким образом поставить свой первый, одинокий опыт в самом лучшем виде.

При таком напряжении, сон далеко бежал с моих глаз. И вскоре после того, как я лег с тяжелой головой, я понял, что заснуть мне едва-ли удастся.

Тут я впервые испытал на себе и узнал, каким сном считать у постели больного ребенка, если за судьбу его она сильно тревожится.

Примерно, через каждые пол часа я вставал и подходил к инкубатору, который стоял в ногах у моей кровати. Затем, вынимал термометр, подносил его к слабому огоньку моей лампы и убеждался, что на нем неизменно стоит все та же самая, цифра, какая требуется.

Это должно бы было успокоить меня на всю остальную ночь. Но желанное спокойствие все-таки не приходило. Мне казалось, что через полчаса нагрев нисколько не изменится. Но что же из того? Не изменится за полчаса, так изменится за три или четыре часа. Поэтому тревога моя не проходила и сон попрежнему бежал от моего изголовья.

Святая истина: когда в ногах установлен очаг всякого беспокойства, то это беспокойство не может покинуть изголовья.

Наконец, худо ли, хорошо ли, я задремал. Но это был тревожный, чуткий сон с частыми перерывами и с такой же частой проверкой термометра. Лишь после рассвета я заснул часа на два. Слово дневной свет содействовал более правильному ходу моей инкубации, чем ночная тьма. А может быть, этот свет вместе с тьмой разогнал все мои ночные страхи.

Краткий сон подкрепил меня и дал мне возможность встать в свое время бодрым и свежим. А вместе с бодростью вернулись и мои розовые надежды, которые совсем было покинули меня во время бессонницы. Я уже начинал глядеть мрачно на предстоящие мне 20 бессонных ночей и готов был думать, что такого подвига ни я, и никто другой вынести не может. Всякие человеческие дела можно делать легко, и всякие человеческие затруднения можно преодолевать успешно.

Но я ведь взялся за куриное дело, а для него у меня нет ни малейших дарований и никакого навыка. Да и какой разумный человек станет стараться заменить собою курицу? Для курицы ведь все равно: день или ночь. Она сидит себе на яйцах недвижимо, в покойной позе, и может спать когда угодно и сколько угодно. У нее действует на яйца всегда одна и та же температура, температура ее собственного тела. И для этого ей не нужно никакого искусства и никакого понимания. Мудрая природа ухитрилась устроить так, что тело курицы, как и тело человека, вырабатывает всегда одну и ту же постоянную температуру.

А не угодно ли вот самому устроить так, чтобы такая же точно постоянная температура получилась на жестяной пластинке, под влиянием обыкновенной воды, в зависимости от какого-то ночника, наполненного керосином!

К сожалению, до сих пор никто не изобрел такой керосиновой лампы, которая всегда давала бы одну и ту же температуру».

Так я писал тогда. Но впоследствии я узнал, что к лампе можно пристроить небольшое, но весьма остроумное приспособление. Благодаря ему, лампа будет нагревать воду точно до одного и того же вожаделенного градуса,—ни на иоту больше, ни на иоту меньше. Такое приспособление имеется у всех продажных и хорошо устроенных аппаратов. Но тогда я совершенно не знал этого и напрасно мучился из-за собственного неведения.

ХII. Творческая механика.

(Третий день насиживания).

26 апреля.

«Вчера день прошел обычным порядком, также как и первый. Я уже реже заглядывал на термометр и меньше волновался: прекрасный знак того, что я начинаю привыкать. Привыкать к точному и аккуратному исполнению куриных обязанностей.

Начиная с вчерашнего утра, я буду освежать яйца каждый день, в течение 10—15 минут. Ведь это делает и наседка в то время, когда ее кормят. Будем же во всем подражать

курице, если хотим получить куриное потомство. Курица иногда насиживает на открытом воздухе, и даже прямо на земле, где температура гораздо ниже, чем в моей комнате. Несомненно ее яйца охладятся во время кормления гораздо быстрее и сильнее, чем мои.

По таким соображениям, я решил ежедневно в 8 час утра вынимать ящик с яйцами из инкубатора и оставлять его совершенно открытым. Тем временем и воздух в открытом инкубаторе должен весь обновиться. Все это весьма важно для дыхания яиц.

Размышляя об этом дыхании, я только сегодня принял во внимание, что ведь при всяком дыхании не только поглощается кислород, но и выделяется углекислота. А если так, то для выхода углекислоты следовало бы сделать более соответственную вентиляцию, чем сделана она у меня. Углекислота—газ тяжелый. Поэтому она падает на дно и не может выходить в отверстия, которые сделаны вверху инкубатора.

Сообразив это, я воспользовался отдыхом яиц от нагревания, взял буравчик и просверлил около двух десятков отверстий в дне ящика, в котором лежали яйца. На эти отверстия опять положил вату и затем яйца. Теперь, углекислота, выделяясь из яйца, будет проникать сквозь вату вниз, в отверстия дна и уходить вон из ящика. Одновременно с этим чистый внешний воздух будет проникать сквозь те же отверстия в ящик. Проходя медленно сквозь нагретый слой ваты, он постепенно сам согреется и не будет остужать яиц.

Вчера еще, освежая инкубатор, я обильно полил водой песок, который был насыпан в стаканчике для увлажнения. Но сегодня этот песок оказался сильно просохшим. Очевидно, в моем инкубаторе воздух очень сухой. Придется песок поливать ежедневно, а может быть, усилить увлажнение и еще каким-нибудь способом. Не смочить-ли самую вату?

Сегодня в 8 час. утра исполнилось уже 48 часов с начала инкубации. Дыхание яйца, конечно, началось еще вчера. Вчера же началось и незримое развитие в яйце. Сегодня оно уже подвинулось довольно далеко. Ах, если бы можно было заглянуть внутрь яйца, и воочию понаблюдать все его метаморфозы! Какое бы удивительное зрелище открылось нашим глазам!

Тогда мы увидали бы, с чего начинается жизнь, как зарождается живой организм курицы и как продолжается его постройка. Шаг за шагом, изо дня в день, мы следили бы за этой постройкой. И может быть, нам показалось бы, что она совершается на манер того, как воздвигается многоэтажный дом. Тогда одни каменьчики подносят кирпич к месту его будущих стен, а другие кладут и вмазывают этот кирпич в стену. Только в курином яйце никаких каменьчиков нет. Правда, постройка там идет из простых клеточек, которые можно уподобить кирпичикам. Но эта постройка чрезвычайно тонкая и весьма сложная и притом она—вполне самопроизвольная. Здесь нет кирпичей, которые подносились бы откуда-то со стороны. Но все-таки есть строительный материал, и этим материалом служит вещество яйца.

Этот самый материал не укладывается механически в какие-то там клетки, вроде того, как кирпич—в стены, а превращается из одного вещества в другое, совсем на него не похожее. Из куриного белка или желтка ведь получаются мускулы, кости, кровь, кожа и даже перья. Из этого не следует, что все это было в яйце в каком-нибудь незримом виде. Нет, этого совсем там не было. И никакой микроскоп не откроет в белке яйца ни маленькой косточки, ни одного самого маленького перышка.

И тем не менее, все это образуется. Образуются не только кости, мускулы, желудок и проч., но и сама куриная душа, которая все это оживляет и заставляет двигаться, бегать, действовать, чувствовать... Образуются они сами собой, но только не во всяком лежащем яйце, а вот именно в том, которое я взял и положил в свой инкубатор. Значит, главным образователем являюсь я со своим аппаратом. Снесенное где-то на рыбачьем дворе яйцо просто бы умерло через три недели естественной смертью. И тогда уж никакая земная сила не смогла бы вызвать в нем живой образовательной деятельности. Но пришел я со своим изобретательным умом, устроил аппарат,—совсем безхитростный и несложный,—взял это свежее яйцо и заставил его творить новую жизнь.

Чье сердце не преисполнится гордости, если он на нет также, как я, создавать живое существо! Разве и он не будет также, как и я, чувствовать себя виновником этого создания? Да, он будет чувствовать это изо дня в день. Пусть

только он проникнет мысленно в тот таинственный механизм творчества, который, благодаря ему, непрерывно совершается и развивается внутри яйца. Механизм этот действует по своим собственным законам, да потому, что в нем есть особые силы, необходимые для этого действия. Пусть так. Но я вот сделаю одно мимолетное движение,—затушу лампу, и вместе с ней погаснут все те особые силы в яйце, которые вызваны к деятельности исключительно мною.

Вторая ночь у меня была такая же бессонная, как и первая. Волнения мои не могли улечься от того, что первая ночь прошла благополучно. В первую ночь был счастливый случай, а во вторую может быть несчастный. Кто поручится, что этого не произойдет? Значит, нужно подстерегать несчастье и тотчас же предотвратить.

Но никакого несчастья не случилось, если не считать маленькой головной боли от бессонницы. Хорошо, что днем мне решительно никто не мешает и я могу поспать час другой в любое время без всякого ущерба для дела. Днем можно заснуть спокойнее и потому еще, что проспать подряд и без просыпу 4—5 часов едва-ли удастся. За короткий же промежуток сна никакой катастрофы, наверное, не случится.

Я очень пожалел, что взял лампочку с линейной светильней, а не с круглой. При чистке этой светильни приходится поднимать ее высоко в прорез, а после зажигания опять опускать. А при этом, как ни старайся, все же не сумеешь сразу установить пламя той же самой силы, какой было пред этим и какой требуется. Лампа с круглой горелкой была бы во сто раз спокойнее, так как у нее нагар со светильни снимается прямо, в том самом виде, в каком горела лампа. И зажигается точно так же. Поэтому в ней после чистки пламя должно оставаться неизменным.

Теперь же мещать лампу было весьма затруднительно. Все, что я мог сделать—это установить двукратную чистку—утром в 7 час. и вечером в 6 час., чтобы до сна оставался большой промежуток времени. За эти 5—6 час. я легко мог проследить правильность нагрева. Таким образом, я задолго до сна успевал убедиться, что пламя уже установилось правильно, значит оно не может разгореться ночью сильнее, чем следует.

После этого я стал проводить ночи гораздо спокойнее».

ХІІІ. Блажная выдумка.

(Четвертый день насиживания).

27 апреля.

«Вчера я принял, кажется, все меры к тому, чтобы получить ночью настоящий покой, без тревог и опасений. Однако, это не вполне удалось.

Правда я заснул скоро, но сон был не крепкий и прерывистый. И всю ночь снились мне всякие страхи на злобу дня, а именно: мне снилось, что лампа моя совсем потухла еще с вечера, что я проспал беспробудно до самого утра, а проснувшись, увидал, что на термометре всего на всего 20 градусов. Я даже заплакал во сне от огорчения. Мне было так горько от этой неудачи, что я немедленно проснулся. Была темная ночь. Я бросился к аппарату и с радостью вижу, что лампочка горит, как всегда, а вынутый термометр показывает, что в инкубаторе попрежнему стоит 39°. Я даже глаза протер и еще раз взглянул в термометр, чтобы убедиться, что ртуть стоит на 39-ти, а вовсе не на 20-ти.

Это могло бы сразу вернуть мое спокойствие, но огорчение, вызванное во сне, было так велико, что я долго не мог успокоиться. Скоро стало светать, и я заснул только после того, как потушил фонарь на башне и после того, как твердо убедился, что лампа в инкубаторе не только не тухнет, но нет никаких причин, которые потушили бы ее.

Теперь я спал уже до утра и утром увидал, что термометр спустился до 38°. Это, конечно, не могло повредить успеху насиживания. Но мне показалось странным и забавным, что мой сон предсказал понижение температуры, хотя и далеко не в таких угрожающих размерах. Продолжительное понижение до 20° может заморозить зародыш; понижение же на 1 градус не может угрожать ему ничем.

У наседки ведь тоже не всякое яйцо нагрето одинаково. Те, которые лежат на окраине гнезда, должны долгое время оставаться при пониженной температуре. Однако это несколько не вредит их дальнейшему развитию. В этом отношении мой инкубатор действует гораздо лучше, чем самая опытная курица. Он нагревает все яйца почти равномерно, так что нет надоб-

ности перемещать их с места на место. Лежит ли яйцо с краю, или в середине ящика, в том и в другом случае оно лежит под самым баком, от которого повсюду исходит одна и та же температура.

Но так как нагрев производится только сверху, то верхняя поверхность каждого яйца нагревается сильнее, чем нижняя. Правда, точно также делается и под курицей. И курица, чтобы исправить это, инстинктивно переворачивает яйца своими лапами. Делает она это весьма неуклюже, весьма грубо и, может быть, при этом не каждое яйцо дождется своей очереди, когда его перевернут.

Подражая курице, и я начал с сегодняшнего дня переворачивать все яйца с одного бока на другой. Разумеется, у меня это выходило гораздо успешнее, чем у курицы. Я начал с того, что выдвинул ящик и на каждом яйце тотчас же поставил карандашом крест. А затем, когда яйца достаточно освежились, я перевернул каждое из них крестом вниз. Было ясно видно, все ли яйца перевернуты и не остались ли где-нибудь яйца с крестом наверху. Это перевертывание я производил с большой осторожностью, чтобы не произвести сотрясения и не повредить зародышу. Курица же в таком случае действует без всяких церемоний.

Такое поворачивание имеет большое значение у курицы; особенно, если она сидит прямо на земле. В таком же инкубаторе, как мой, можно бы обходиться и без него: в комнате у меня всегда тепло и нижняя сторона яиц в закрытом и нагретом ящике не может охлаждаться так сильно, как в курином гнезде.

А начинавшийся зародыш плавает в яичном белке и может легко перемещаться. Он сам всплывает наверх, как бы мы ни повернули яйцо. Вследствие этого, он всегда оказывается как можно ближе к источнику нагрева. Пусть это так. Но, может быть, мой успех будет гораздо надежнее, если я стану во всем подражать курице.

Как это приятно написать: «Зародыш всплывает наверх». Неужели он уже всплывает здесь у меня? Да и есть ли у меня вообще хоть какой-нибудь зародыш? Вот вопрос, который уже трое суток неотступно стоит передо мной. Я согреваю яйца, освежаю их, осторожно поворачиваю и внимательно увлажняю. А вдруг там нет ни малейших признаков зародыша! И тогда

вся моя священная заботливость, все бесконечные тревоги и долгие-предолгие бессонные ночи над совершенно пустыми яйцами—разве это не комично? В какой комедии вы найдете что-нибудь подобное? Самый серьезный человек не сумеет сдержать улыбки, если он узнает о таком смехотворном занятии маячного сторожа, который за долгую одинокую зиму придумал для себя самое необыкновенное развлечение: нагревать пустые яйца.

В рыбацком поселке, действительно, все так и смотрели на мою выдумку. Это подтвердили сами рыбаки, которые сегодня, по случаю воскресенья, привезли ко мне провизии вчетвером и просили позволения посмотреть, как я днем и ночью делаю яичницу из свежих яиц.

Они говорили это с таким добродушием, что на них невозможно было сердиться. Да я ведь и раньше знал, что они считают невозможным, чтобы человек сумел заменить курицу и чтобы керосиновая лампа помогла ему в этом.

Я с радостью пригласил их к себе, как приглашал их и раньше на стакан кофе, до которого они были большие охотники. Но заходили они довольно редко. И заходили всегда только в праздничный день или по случаю непогоды, от которой им хотелось укрыться, обогреться и отдохнуть. Эти посещения в моем одиночестве доставляли мне много удовольствия: я всегда рад был живому человеку, и легкая беседа или простой разговор после долгого вынужденного молчания доставляли мне неизъяснимое наслаждение.

И теперь я повел их к себе с большим радушием. Пока я готовил кофе, они очень внимательно осматривали мой инкубатор. Я выдвинул вон ящик с яйцами. Они все по очереди ощупали яйца своими жесткими, мозолистыми руками, нашли их очень теплыми, — словно бы под курицей. Заглянув внутрь комода, чтобы осмотреть самый бак, для нагрева, пощупали его. Пощупали и наружный нагреваемый стаканчик, похвалили все мое устройство, а затем откровенно высказали то же самое свое непреклонное убеждение:

— И все-таки у вас ничего не выйдет!

— Да почему же не выйдет? спрашиваю я.

— Потому и не выйдет, что неслыханное это дело. Для каждого создания в природе установлен свой закон. Курица— на то она и курица, чтобы нести яйца и высиживать цып-

лят. А человеку указана своя особая линия. Вы же думаете изменить этот закон природы. Сегодня вы хотите насиживать вместо курицы, а завтра вы захотите заменить курицу, чтобы нести яйца.

— Ха, ха, ха! дружно залились смехом все мои собеседники.

Что можно было возразить им на это? Я рассказал им, что не я первый, не я последний. Инкубацией занимаются многие хозяева во всех странах света и выводят циплят искусственно в большом количестве. И не только теперь, но и в древности, несколько тысяч лет тому назад, занимались этим делом египтяне.

Но их скептический ум ничего не хотел слушать. Про египтян они сказали, что те не знали еще керосина, а потому не могли заниматься таким делом, как я.

— А про хозяев вы это оставьте, сказал Джэк. Мы сами хозяева и учились своему делу не только у отцов и дедов, но и у хороших соседей. От соседа к соседу переходят все обычаи и всякое обзаведение, которое нужно по хозяйству. Если бы инкубация, как вы говорите, давно была хозяйственным делом, то про нее давно знали бы не только мы и наши соседи, но и отцы наши.

Возражать было бесполезно. Такие умы трудно сдвинуть с места. У них всегда найдется какой-нибудь закон природы и неизменные обычаи отцов, которые ни под каким видом не могут допустить в жизнь никакого новшества. Я пригласил их приехать через три недели любоваться на моих циплят и мы стали беседовать совсем о других предметах*.

XIV. Самодельный микроскоп.

(Пятый день).

28 апреля.

«Я говорил с рыбаками, я высказывал твердую уверенность, что дело у меня идет как следует, и что успех своевременно увенчает его. Защищая пред ними способ искусственной выводки циплят вообще, я не мог говорить иначе. Но ведь еще неизвестно, действует ли мой инкубатор так, как следует. Ведь я сам-то не видал еще в жизни ни одного

инкубатора, ни хорошего, ни плохого. И, разумеется, я не имел никакого опыта в искусственном получении цыплят. Кое-что я узнал из книг, а до остального дошел своим умом. Но все-ли я делаю так, как следует, это я сам увижу только после того, как получу свой выводок.

Если бы я мог заглянуть внутрь яйца? Если бы я мог посмотреть, как там идет дело, и вообще, идет-ли оно, или безнадежно стоит!

У меня мелькнула мысль разбить одно яйцо, вылить на блюдечко и посмотреть. Но эту мысль я скоро оставил. Положим, что я увижу там явственные следы зародыша. Это покажет мне, что разбитое яйцо, действительно, начало развиваться и что инкубатор действует. Но правильно-ли он действует? Быть может, мне попадется одно единственное жизнеспособное и сильное яйцо, которое может развиваться при самых неблагоприятных условиях. И это яйцо я легкомысленно погублю. А быть может, хотя в нем развитие началось и правильно, но на 5-й день зародыш уже погиб. На чайном блюдечке ведь никак не узнаешь, мертвый это был зародыш, или живой.

Я вспомнил, что в наших деревнях, когда кладут яйца под курицу для насиживания, смотрят их предварительно на свет. Значит, думал я, свежее яйцо хорошо просвечивает. И наоборот. Если на прозрачном курином белке появятся какие-нибудь новообразования будущего зародыша, они не будут прозрачны. А если так, то они должны выделяться пятном на прозрачном фоне белка.

Это соображение тотчас вызвало новый проект: нельзя-ли устроить такой прибор, в который можно бы рассматривать яйцо на свет, и в котором оно стало бы просвечивать наилучшим образом? Представим себе, что в южном окне моей комнаты, куда днем ярко светит солнце, есть очень плотная ставня. В этой ставне сделан яйцевидный вырез, в который плотно входит яйцо. Если луч солнца будет проходить в темную комнату только через одно яйцо, то оно будет просвечивать как нельзя лучше.

Но ставни в моем окне не было. А кроме того, мне неизвестно, не будет ли яркий свет солнца вредно действовать на зародыш, который нормально развивается только в темноте. Гораздо надежнее, поэтому, попробовать обыкновенную ком-

натную лампу, если напр., запереть ее в шкаф, а в стенке сделать отверстие для яйца.

Но дело обошлось без всякого шкафа. В одной стене моего каменного жилища оказалась небольшая ниша. В нее, как на камин, я ставил разные предметы моего домашнего обихода, которые необходимо было иметь на виду. Я поставил в нее зажженную лампу и она вся свободно уместилась в ней. Отлично! Я взял лист толстого картона и плотно закрыл всю нишу. Получился шкаф, в котором заперта наглухо лампа. Затем, я отметил на картоне место как раз против пламени лампы и сделал здесь яйцевидный вырез.

— Вот, думаю, и готов самодельный прибор для осмотра зародышей в яйцах!

Но смотреть их я еще не спешил. Сегодня только 5-й день. Хорошо бы подождать хоть до 7-го. Будет треть срока, и может быть, треть цыпленка уже разовьется. А целую треть его может рассмотреть даже самый неопытный глаз в такой скороспелый «микроскоп», как мой. Решивши таким образом, я уже хотел было успокоиться, но на меня напало опять раздумье. Нельзя ли улучшить мой аппарат таким образом, чтобы в него и слабый свет лампы ярче просвечивал?

Подумавши немного, я сделал из яйцевидного отверстия в картоне совершенно круглое, но большого размера. Затем взял небольшой кусок тонкой жести и сделал из нее короткую трубку, которая должна была как раз входить в круглое отверстие картона. В другом конце этой трубки я устроил, при помощи ваты и сукна, яйцевидное отверстие, в которое мягко и туго могло входить яйцо.

Эта трубка будет отдалять яйцо от пламени лампы, которое могло нагреть его больше, чем следует. А самое главное, блестящие стенки трубки будут играть роль рефлектора и еще больше усилят свет, идущий в яйцо.

С этими замыслами и за такой работой я провозился очень долго и потому не успел выйти на солнце в обычный свой час. Увлечшись делом, я забыл про самую инкубацию и ни разу не посмотрел на термометр. К счастью, там все шло нормальным образом, и потому моя забывчивость не имела дурных последствий.

Выйти на воздух мне удалось только к вечеру. Как нарочно, он был упоительно хорош. Кругом стояла невозмутимая

тишина. Отблеск зари на зеркальной глади воды играл всевозможными цветами. Заря на небе и заря в воде где то в бесконечной дали сливались вместе. И медленно вместе же гасли. А их потухающую оранжевую пелену одна за другой начипали пронизывать ярко серебристые, немеркнущие звездочки.

Задумавшись, я не заметил, как ночь совсем спустилась над головой и возле меня стали беззвучно порхать какие то привидения. Я поднялся, чтобы рассмотреть их поближе, и был очень удивлен, узнавши в них летучих мышей. Куда то они отправлялись? Привлеченные светом маяка, который их беспокоил, они большой стаей кружились над самой скалой, недоумевая, зачем здесь светит солнце, когда кругом ночь.

Перелетных птиц я уже давно проводил на север. Они точно также, как и осенью, залетали ко мне. Теперь залетели сюда зачем то и эти ночные предвестники лета. Очевидно, весна идет полным ходом. Повсюду ожившая природа стремится размножить жизнь в ее бесконечном разнообразии.

Моя керосиновая лампа, со своим особенным запахом гари, меньше всего напоминает весну. Но, быть может, и она создаст новую жизнь в эти чудные дни и в эти дивные ночи, которые во всем северном полушарии повсеместно будят творческие силы».

XV. Победы рыцарей и победы мои.

(Шестой день).

29 апреля.

«Хоть я и решил вчера произвести осмотр яиц в свой «микроскоп» на 7-й день, но должно быть мне не утерпеть до завтра. Больно уж хочется поскорее узнать свою судьбу. Над чем я работаю! Над развитием жизни, или только усворяю гниение яиц? Если я сегодня же могу решить этот вопрос с полной достоверностью, то у меня будет выигран целый лишний день полного спокойствия.

Спокойствие я получу во всяком случае, что бы ни принесло мне это испытание. Если во всех яйцах нет буквально ничего, то нужно сейчас же потушить лампочку и проветрить комнату. Воздух ночью будет гораздо чище, а сон мой станет

попрежнему крепким, ровным и без тревожных сновидений. Если же окажется наоборот, если в яйцах развиваются цыплята,—чего мне так страстно хочется,—то я увижу это собственными глазами, а затем буду на седьмом небе от радости. И радостное сознание того, что я не даром волновался шесть суток, внесет живую и бодрящую уверенность. Она окончательно рассеет все мои ночные тревоги и опасения и даст мне сладостный сон, обвеянный розовыми надеждами.

Но вот беда! Я не уверен, можно ли ставить на голову яйца с зародышем? И безопасно ли подвергать его яркому освещению в трубке моего прибора? Если это безопасно, то я мог бы следить за развитием яйца изо дня в день. И было бы весьма поучительно наблюдать, как нарастает это развитие, и сколько новых образований прибавляет каждый новый день искусственного насиживания.

Можно бы даже,—только не у меня на скале,—посадить одновременно наседку на яйца и в то же время начать искусственное насиживание в инкубаторе. А затем следить каждый день за развитием естественным и развитием искусственным: отличается ли хоть чем-нибудь одно от другого? Или они совершенно не отличимы?

Быть может, это мы когда-нибудь и попробуем в будущем. Теперь же хотя бы одним глазком взглянуть один раз! И увидеть, что происходит в этой живой лаборатории, которую я заставил действовать в тиши своего уединения.

Нетерпение так сильно разбирало меня, что я готов был утром же, во время освежения яиц, начать их ревизию. Но это было совершенно невозможно. Сегодня опять был солнечный день. В окно уже заглянули его лучи и ярко осветили комнату. Если даже и завесить окно чем-нибудь, все-таки в комнате остается много света и при нем ламповый будет очень плохо действовать.

Необходимо было ждать вечера, и притом позднего вечера. Ведь у нас теперь стоят светлые, «белые» майские вечера.

Долго тянулся сегодняшней день! Я часто поглядывал на часы и удивлялся, почему они стали ходить так медленно. Чаще прежнего заглядывал и на термометр, хотя сегодня аппарат действовал ничуть не хуже прежнего и никакой особой опасности не было. Но сегодня решается вся судьба его постоянства и верности. И я боялся, как бы в этот знаме-

нательный день не случилось чего-нибудь необычайного. Этот страх, разумеется, был глупый. Ведь если что-нибудь случится, если зародыши сегодня же умрут, то труба все равно не сумеет открыть мне их смерти.

Даже роскошный весенний день и яркое солнце сегодня не радовали меня. Мне казалось, что это солнце разгулялось совсем не кстати. Было бы лучше, если бы по небу ползли густые, темные тучи. Тогда я сейчас же завесил бы окно и немедленно решил бы все волнующие меня вопросы.

Чтобы рассеяться и отвлечь свои мысли, я взял с полки Вальтер Скотта, которого я иногда почитывал, и открыл страницу с описанием рыцарского турнира. Бывало я зачитывался такими сценами до самозабвения. Но теперь все это показалось мне скучной и растянутой выдумкой, — выдумкой никому ненужной и давным давно забытой.

Как это глупо было драться друг с другом без всякой цели, когда кругом было столько важного дела! А немая и таинственная природа, в те времена совершенно неведомая, представляла столько удивительных и непечатых загадок!

Все-таки заходящее солнце застало меня на скале с романом в руках. То самое солнце, которое и во дни Вальтера Скотта, и во дни рыцарских турниров, точь в точь также заходило за морем и оевещало эту самую скалу такими же точно влажными, ласкающими лучами. И тогда куры несли и насиживали яйца точно также, как в наши дни. Только ни один самый храбрый и знаменитый рыцарь не с'умел бы тогда победить безжизненность куриного яйца. И не смог бы заставить его в любые 20 дней превратиться в живого, быстрого цыпленка.

— А мы вот пойдем и этот подвиг совершим! Я невольно сказал это вслух и пошел в комнату, нарочно замедляя шаги. Мне хотелось теперь отдалить наступающую решительную минуту, которая может принести мне много радости, но может и огорчить меня до глубины души.

Здесь уже было совсем темно. Заря находилась с противоположной стороны, и ее отблеск не проникал в комнату. Я зажег лампу, поставил ее в уютную нишу, задвинул листом картона и спустил штору на окне. Затем, установил как следует свою трубку в отверстии картона, а в другой конец трубки вставил яйцо, приготовленное сегодня на ужин. Осмотрел

его внимательно, поворачивая к свету разными боками, и убедился, что везде насквозь оно одинаково прозрачно. Бледная прозрачность его напоминала немножко розовую прозрачность ладони, если наблюдать ее прямо против солнца. Другое такое же яйцо было во всем похоже на первое.

После такого важного для меня наблюдения, я выдвинул ящик инкубатора, поставил его на кровать, взял из него первое попавшееся яйцо и с большим волнением подошел с ним к лампе. Когда я вставлял яйцо в отверстие трубки, я заметил в ее просвет, что пальцы мои дрожали. Не знаю, было ли то от волнения, или от того, что я боялся, как бы мое драгоценное яйцо не выскользнуло из рук. Подставить здесь столик, или подвесить чтонибудь мягкое я не догадался. Малейшая неосторожность, и яйцо упало бы прямо на пол.

Наконец, яйцо плотно вдвинуто в отверстие ярко освещенной трубки. Я придвигаю к нему свой близорукий глаз и невольно вскрикиваю от восторга. По светлому фону яйца протянуты и замысловато ветвятся темные многочисленные нити куриного зародыша. Наконец-то мои неуспешные усилия восторжествовали! Я сумел таки разбудить к жизни куриное яйцо и вызвать зародыш, который несомненно делается теперь настоящим цыпленком!

— Ура! Я победил природу! Я заставил ее жить и действовать там, где без меня неминуемо явилась бы смерть и началось бы разложение.

Но теперь было не время предаваться восторгам, хотя все мое существо трепетало от радостного волнения. Меня ожидали еще 12 яиц, осмотр которых мог затянуться на 20 минут. А это сильно охладит яйца, в которых теперь уже явственно слышится биение новой, зародившейся жизни.

Я торопливо откладываю на кровать осмотренное яйцо. А затем точно также беру и осматриваю второе, третье, пятое, десятое... и, наконец, последнее.

По мере того, как я осматриваю, растет и ликование в моей душе. Я встречаю еще и еще зародыши. Почти в каждом яйце такие же точно зародыши, как и в первом! Не было ни малейшего сомнения в том, что это именно зародыши, а не плесень какая-нибудь. Это видно из того, что из 13 яиц 2 яйца не были похожи на все остальные. Они были совершенно прозрачные, точно такие же, как и те, которые шли

у меня в пищу. Их я отложил в сторону. Все же остальные поскорее сложил с особою осторожностью опять в ящик и ящик задвинул в инкубатор.

Осторожность теперь нужно усилить, потому что это уже совсем не яйца. По внешности только они похожи на прежние яйца. На самом же деле это нежные живые зародыши, которые каждый день совершают свои таинственные превращения. Только эти зародыши скрыты для безопасности под твердой известковой скорлупой, в старой яйцевидной форме.

И когда я привел снова все в порядок, я выскочил из комнаты на двор и пустился плясать, прыгать и петь, вихрем кружась на тесной площадке моей скалы. Все внутри меня ликовало от восторга. И наружу сразу и бурно вырвалась вся энергия, которая была сдвлена шестидневным напряжением, непрестанными опасениями и беспокойными ночами. Если бы я жил не на такой тесной скале, я готов был бы торжествовать свою победу самыми буйными выходками!

А теперь как хорошо, что я совершенно один! Хорошо, что никто на свете в этот час не мог видеть меня, либо слышать. Если бы мои рыбаки увидали меня в таком состоянии! Они распространили бы по всему округу, что маячный сторож окончательно рехнулся. Прежде он только блажил со своими яйцами, а теперь стал уже буйствовать.

— Говорили мы, скажут они, что против законов природы нельзя идти! Вот бедного Бог и наказал за то, что слишком много возмечтал о себе.

Но мою буйную радость могли видеть на этот раз только одне звезды небесные. Мне казалось, что сегодня они тоже радостно мигали мне и приветливо улыбались на своих недосыгаемых высотах.

Излил я свою радость, освежился на вечерней прохладе и скоро успокоился. А вместе со спокойствием ко мне вернулось и трезвое размышление. Я не прошел еще и трети предстоящего мне трудного пути. Осталось еще много дней и ночей, которые угрожают мне всякими опасными случайностями. Начало хорошо сделано, это бесспорно. Но, конец венчает дело, а до конца еще очень далеко. И еще много ночей придется провести мне с тою же тревожной чуткостью, с какой я провел и предыдущие».

XVI. Подготавливаю почву.

(День седьмой).

30 апреля.

«Эту ночь я спал очень крепко и вставал только один раз, когда нужно было тушить маячный фонарь. Обревизованные зародыши не должны теперь гибнуть от ночного недосмотра. И эти зародыши мерещились мне почти всю ночь напролет. То мне казалось, что они выползли из яиц, ползают в гнезде, ищут обратного входа в яйцо и никак не находят его. То мне виделись уже настоящие живые цыплята, которые ушли из инкубатора и целой стаей бегают по мне и по кровати, пищат, требуют корма и ищут места, где бы можно было погреться. Наконец, уже под утро, мне совершенно ясно представилось, что я забыл вчера задвинуть внутрь ящик с яйцами и он остался снаружи наверху инкубатора. Я просыпаюсь в большом беспокойстве бегу к инкубатору и нахожу там все в порядке. Только термометр показывал $37\frac{1}{2}$. Очевидно, после вчерашнего волнения я не сумел установить лампочки как следует. Хотя это было не опасно, но все-таки служило мне предостережением. Радоваться можно как угодно, но еще рано снимать с себя все заботы и всякую осторожность.

Нет никакого сомнения в том, что дело поставлено на правильный путь. Цыплята уже зародились и будут расти. Нужно только выдержать до конца тот же самый порядок, который выдерживался уже шесть дней. Цыплята у меня будут. Пройдет всего каких нибудь 2 недели и они населят мою скалу и наполнят ее беготней и писком. Правда, здесь далеко не разбегаются, но маленькому цыпленку будет достаточно места. Зато здесь безопасно везде. В какую бы темную расселину скалы ни забрались цыплята, нигде они не встретят ни крысы, ни хорька. Вероятно и ястреб не страшен. Все окрестные ястребы из поколения в поколение убеждались, что на этой скале им не найти ничего. И уж наверное теперь они не ищут и не замечают. В воду цыплята сами не полезут. Уж не поучить ли мне их плавать по утиному?

Я размечтался о цыплятах, как будто они уже родились на свет и сегодня же требуют моего ухода. Эти мечты, ко-

нечно, еще преждевременны. Но вот, что не преждевременно, и что нужно сделать сегодня же. Нужно запастись для них побольше зеленого корма.

Грядки у меня уже были сделаны и на них посеяно немного редиса. С остальным посевом я не торопился, потому что не знал еще до вчерашнего дня, сеять ли мне только для себя, или главным образом для цыплят. Положим, я посею для себя морковь. Но всходы ее появляются и растут очень медленно, а потому цыплята могут их совсем вытоптать. Репа растет быстрее и сильнее. Картофель не боится никаких цыплят. Для корма же цыплятам нужно иметь побольше сочной, нежной и вкусной зелени.

Сообразивши все это, я сегодня же намочил семян репы, салата и гороха. Запас семян оставался еще с прошлого года от моего предшественника. А картофель я посадил прямо в грядку немедленно. Авось майские утренники, если они здесь случаются, не повредят его. Собираясь было раньше развести немного цветов, чтобы они ласкали мои голодные взоры, которые давно не видали ни красок, ни картин природы. Но теперь всю эстетику нужно побоку! Будем заботиться только о хозяйственных интересах да, о том, что полезно и важно для целей искусственного куроводства!

Ведь, может быть, еще не бывало на свете подобного куровода, который занимался бы этим делом на необитаемой скале, окруженной морем.

Но заботы о выращивании зелени и огородных овощей, это только половина дела. Нужно было также подумать о воде, которая понадобится для поливки этих овощей. В подвале башни был перегонный куб, чтобы получать перегонную, пресную воду из морской. Но я его ни разу не пробовал. Воды мне требовалось немного, и я с первого дня поселения договорился с рыбаками, чтобы они привозили мне двухведерный боченок воды. На два дня мне было за глаза достаточно этого запаса. В случае нужды, для мытья я мог брать и морскую воду.

Так дело шло до сих пор. Рыбаки привозили боченок с водой, а от меня получали пустой. Вследствие этого куб оставался в сохранности, уголь не расходовался, а мне было меньше хлопот.

Теперь нужно было подумать о больших запасах воды, особенно на лето. Я совсем не знал, часто ли здесь летом бывает дождь и много ли его выпадает. Может случиться, что с крыши башни натечет воды достаточно для поливки, а может этого и не случится. Может быть и одной ночной сырости будет достаточно для орошения моих овощей. А может быть, голая каменная скала сильно накалится за один жаркий день и тогда всякая растительность на ней высохнет, не дождавшись вечерней росы.

Словом, я пошел сегодня в подвал, наполнил куб морской водой, растопил печь и через час получил ведро чистойшей перегонной воды. Только после этого я успокоился. Теперь никакая засуха, никакая неожиданная случайность не может угрожать моему маленькому хозяйству, хотя оно и будет гораздо сложнее: в нем будет представлено и растительное царство, и животное.

Здесь были две старых бочки (без одного дна) для хранения воды, но они давно уже рассохлись. И мне пришлось немало повозиться с ними прежде, чем я размочил их в воде и привел в надлежащий вид. Тогда я убедился, что воду они могут держать хорошо, почти без всякой «протекции».

XVII. Мудрее многих баб.

(День восьмой).

1 мая.

«Наступление мая означает полный разгар весны и расцвет природы. Но здесь только вода да камень, а потому я не вижу ни этого разгара, ни этого расцвета. Разве только солнце становится все выше и выше, и греет все сильнее и сильнее. Да ночи делаются короче, и потому фонарь приходится позже зажигать и раньше тушить. Вскоре после выхода цыплят я могу совсем не ложиться спать до рассвета, так как тушить фонарь можно будет уже в 2 часа утра, а то и раньше.

Сегодня обычный приезд рыбаков. Я не утерпел и рассказал им о зародышах, которых я наблюдал в свою трубку, и о том, что развитие цыплят у меня идет надлежащим образом. Но это нисколько не поколебало их предубеждения.

— Мало ли чего иногда человеку померещится! Особенно в круглом одиночестве, да еще в темной комнате—сказал Джэк. А Джон прибавил:

— Хорошо было бы, если бы всякий мог так легко видеть цыпленка уже на шестой день. Тогда все наши бабы давно бы завели такие трубки и наблюдали бы в них яйца из под наседки. Случается, почти половина их бывает без зародыша, и вместо 12 цыплят выходит 6 либо 7. Зачем же же попусту держать их под курицей и парить три недели! Тогда все уже на шестой день отбирали бы их свежими и употребляли на обед!

Увы, я слышу оиять те же самые речи: чего не знают наши бабы, того и не бывает на свете!

Я хотел было поручить им купить мне заблаговременно крупы и ячменя для корма цыплят, но едва я заговорил об этом, как они высмеяли меня за мою предусмотрительность.

— Ведь ячменем не кормят только что родившихся цыплят. Да родиться они собираются только через две недели, если только сумеют родиться! Вот пускай сначала родятся, а мы посмотрим, какие такие бывают керосиновые цыплята на свете! Может быть, они такие необыкновенные, что их кормить нужно одним только сыром, либо шоколадом!

Здесь они были отчасти правы. Времени впереди. действительно, было много, Правда, я хотел было посеять немного ячменя для зелени. Но он растет очень быстро, и посеять всегда успею. Да и лучше попозже, потому что молодая зелень вкуснее, чем старая.

Я все таки сказал им, что до рождения цыплят остается не две недели, а немного меньше. За это время они успеют приехать ко мне не больше шести раз. И если не случится у меня несчастья они увидят очень скоро, что они сильно ошибались. Всегда разумный человек был и останется мудрее курицы и даже умнее многих баб.

Но рыбаки вступились за своих женщин и мы чуть было не повздорили из за этого. Только их неизменное добродушие направило опять наш разговор в мирное русло, и мы расстались, как всегда, добрыми друзьями. Я обещал не оскорблять больше их женщин, а они обещали не обижать моих цыплят... если только они когданибудь появятся на свет».

XVIII. Цыпленок прошлый и цыпленок будущий.

(День девятый).

2 мая.

«Вчера, расставшись с рыбаками, я решил проверить те два яйца, которые я вынул из инкубатора на 7-й день при осмотре их в трубку. Точно ли они не содержат никаких признаков зародыша? У меня явилась мысль, что и они, может быть, начали развиваться. Быть может, в них развитие шло нормально дня два либо три, а затем прекратилось. От недостатков моего инкубатора зародыши, может быть, преждевременно умерли. А так как они еще очень малы, то яйца просвечивали в трубку и их было не видно. Если бы это было так в действительности, то через каждые три дня у меня погибали бы по два более слабосильных зародыша. И значит, к концу инкубации я не получил бы ни одного живого цыпленка, но получил бы много разнообразных мертвых зародышей, от самого маленького возраста до самого большого.

Поэтому очень важно было убедиться, что два отобранные яйца совсем не имеют зародышей. Тогда дело становится совершенно ясно: зародыши не развились в них не потому, что инкубатор плох, а потому, что эти яйца были мертворожденные от природы. Либо яйца были совсем не свежие и в них зародыши умерли без моего насиживания и притом задолго до него.

Я дожидался вечера, зажег лампу, разбил яйца и вылил каждое яйцо отдельно на стеклянное блюдечко. Яйца оказались самые обыкновенные и такие же свежие, какие мы употребляем в тесто или в яичницу. Белок был совершенно прозрачный, густой и тягучий. На блюдечке он растекался правильным кругом, в центре которого, возвышаясь над ним, покоился еще более густой желтооранжевый желток.

Я наклонил блюдечко и так и этак, освещал его лампой снизу, всматривался в мельчайший пузырек воздуха, и везде искал, не скрываются ли где, нибудь нити развившегося зародыша. Но я нигде не нашел ни малейших следов его. Исследуя так, я вспомнил что у меня в вещах была старенькая лупа. Разыскал ее немедленно и снова обследовал в лупу

белок того и другого яйца. Но никаких признаков зародышей нигде не нашел.

В желтке, конечно, я не искал. Я знал, что зародыш развивается исключительно в белке, желток же только впоследствии становится питательным материалом, в виде запаса.

Значит, мой инкубатор действовал совершенно правильно. И не его вина, если он не заставил развиваться яйца, которые от природы были неспособны к развитию. Оба яйца были совершенно свежими, словно и не подвергались непрерывному нагреву в течении шести суток. Очевидно, рыбачки, которых я вчера не похвалил, ничуть не схитрили и дали мне все яйца недавно снесенные. Но они не могли отличить, какие из этих яиц были способны к развитию, а какие нет.

Это различие мог сделать наверняка только мой самодельный «микроскоп», да и то после шестидневного насиживания.

Чтобы убедиться еще основательнее, я оставил оба яйца на блюдечке до утра. И когда солнце сегодня ярко осветило мое окно, я освидетельствовал их еще раз при солнечном свете. Но и яркий солнечный луч также не открыл в них никаких признаков зародыша. Несомненно теперь, что его и не было вовсе.

После этого мне страшно захотелось разбить одно яйцо с зародышем, чтобы сравнить с теми, в которых зародышей не было. Но я долго колебался, прежде чем решился на это. У меня теперь оставалось всего 11 яиц в инкубаторе. Хорошо, что половина их доживет до конца. Тогда я получу какихнибудь пять цыплят. А может быть их доживет только четверть, и вдруг то яйцо, которое я разобью, будет самым жизнеспособным!

Тут мне надо сознаться, как я сильно сглунил при самом замысле своего дела. Теперь мне было крайне жаль, что я устроил свой завод на дюжину яиц, а не на две. Даже в этом инкубаторе можно было бы поместить 15 либо 16 яиц. А сделать бы ящик не много больше, тогда уместились бы и все две дюжины. Весь расход на это увеличился бы очень мало. А бессонные ночи проводить ради 24 яиц даже приятнее, чем ради 12—11.

И вот теперь, если бы я имел в своем распоряжении 24 штуки развивающихся яиц, я мог бы разбивать по 1 яйцу

через каждые 2 дня и следить непрерывно за тем, что в них делается. От первого дня до двадцать первого. Это дало бы мне много новых, неизведанных еще наблюдений и еще больше высоких наслаждений. Ведь ничего не может быть приятнее как разгадывать тайны природы и присутствовать при зарождении и постепенном нарастании новой жизни. Особенно такой жизни, которая при вашем содействии на глазах у вас создается, усложняется, преобразуется и, наконец, делается совсем готовой на новое самостоятельное существование.

Но увы, я этого не предусмотрел! И тем лишил себя таких умственных наслаждений, которые редко кто сумеет получить для себя. Теперь меня разбирала такая досада, какой я еще ни разу не испытывал в своей жизни. И, вероятно, под влиянием этой досады у меня сразу прекратились всякие колебания. Я выдвинул ящик и взял из гнезда первое попавшееся яйцо. Затем ударил по нему ножом по середине, разломил его на две половинки и в тот же момент вылил все содержимое на третье стеклянное блюдечко.

Вылил, и тотчас пожалел. Нужно было сделать это еще в тот же день, когда я осматривал яйца в трубку, и когда я мог бы наглядно сравнить то, что просвечивает сквозь скорлупу, с тем, что есть на самом деле. Теперь же зародыши сильно выросли.

Но жалеть было поздно. Смертоубийство я уже совершил. Пускай, стряпухи спокойно разбивают яйца таким точно образом и выливают их в свою стряпню. Они имеют дело только с яйцом. Я же разбил не яйцо, я скорлупу. А в моей скорлупе, в яичных жидкостях, находился живой будущий цыпленок. Прекрасно развитый, восьмидневный зародыш!

Правда, он не шевелится и пока не обнаруживает явных признаков жизни. Правда, он совершенно не похож на цыпленка. Но то, что я вылил из яйца, за минуту перед тем жило полною нормальною жизнью и неудержимо стремилось к тому, чтобы стать настоящим цыпленком. Я пресек нить растущей жизни и оборвал стремление к высшему развитию. До конца этого развития оставалось только 10 дней! И если бы я не совершил своего любознательного варварства, мое неподвижное и бесформенное нечто стало бы настоящим

цыпленком, пушистым и кругленьким, с головой и на ножках.

Я разбил не яйцо. Яйца теперь уже нет. Под той же самое известковой оболочкой, которая никогда не изменяется и всегда выбрасывается за негодностью, скрывалось уже не яйцо. Появилось что-то новое. Худшее яйца, или лучшее! Стряпуха скажет о нем, что это — негодное, испорченное яйцо. Куровод скажет, что это негодный, еще не сформированный цыпленок. От прежнего отстал, а к будущему не пристал. И никто ее скажет, с какого момента яйцо перестало быть яйцом и стало будущим цыпленком!

Но что такое «будущий цыпленок»? Цыпленок есть только один, — настоящий цыпленок. Если же он еще весь в будущем, то значит, цыпленка еще нет. И выходит какая-то бессмыслица. Яйца нет, потому что оно уже перестало существовать. Но и цыпленка нет, потому что он еще не начал существовать. *Что же такое есть?* И правда ли, что цыпленок еще не начал существовать?

Неправда, конечно. Ведь он начинает существовать не с той минуты, когда выйдет готовым из яйца, а гораздо раньше.

С какой же минуты? Вот сейчас, на 10-й день насиживания, началось, или не началось существование цыпленка? Разумеется, началось. А вот в тех двух яйцах, которые я выбросил на 6-й день из инкубатора, там не начиналось никакого существования.

И так, началось существование цыпленка, но самого цыпленка еще нет. Не значит ли это, что началось существование существа, которого еще нет? Существовать и жить оно уже начало, но его еще нет. Началась жизнь, но живущего существа нет вовсе.

Вот и рассуждай здесь как хочешь. Переставляй и так, и этак, разные, слова, такие знакомые и такие понятные. Но как только с этими словами мы подойдем к самому началу жизни, все эти слова становятся совсем непонятными и даже бессмысленными. Слова мы создали для внешних наблюдений, которые всем доступны. А источники жизни глубоко скрыты и доступны только для тех, кто стремится к их полному раскрытию. Для раскрытия их нужны и слова другие, а не те, которые всем известны».

ХІХ. Где начинается цыпленок.

(День десятый).

2 мая.

«Вчера я так размечтался о начале жизни, что забыл записать, какое же существо вылилось у меня из скорлупы на блюдечко. Трудно сказать, что это за существо. Оно было таким же полужидким, как и желток, темного цвета, с неопределенными очертаниями и с хорошо развитыми сосудами, которые ветвились по белку и были красноватого цвета.

Была заметна голова или что-то подобное ей, и большой, резко обозначенный глаз. Что-то вроде туловища шло от головы и заострялось внизу. Оконечности (ноги и руки) были едва-едва намечены, и их с трудом можно было разглядеть: Голова, глаз и какой-то хвостовидный придаток. Вот что являлось будущим цыпленком. На голове не было видно рта и совсем не было клюва. Никто бы не сказал, что это будущий цыпленок. Никто бы не сказал, что это будущая птица. Может быть, выйдет птица, а может быть и черепаха. И если будущий цыпленок так мало похож на настоящего цыпленка, то каким образом цыпленок может получиться из того, что на него совсем не похоже?

Если бы цыпленок получился из ничего, одним творческим велением, тогда было бы все понятно. Ничего, и вдруг по магию чудесного жезла, выходит из скорлупы совсем готовый цыпленок. Тогда он мог бы выйти не только из яйца, но также точно из пустого стакана, из апельсина, либо из чернильницы, в которую я сейчас погружаю перо.

Для творческого веления все равно, из какого помещения выпускать цыпленка бегать по свету. Но цыпленок не получается из ничего. Он получается только из яйца, и больше ни из чего другого получиться не может. Яичная масса, быстро, в течении каких-нибудь 20 дней, перестраивается на тело животного. Но как ни быстро это делается, перестройка идет постепенно, строго последовательно, и мало заметно. Так незаметно, что мы не можем уловить ни одного момента, когда могли бы сказать с уверенностью:

— Вот до сегодня было яйцо, а сегодня начался цыпленок!

Если развитие куриного яйца совершается только при подогревании, то, казалось бы, совсем легко установить начало будущего цыпленка. С той минуты, как началось подогревание, началось и развитие, а значит, зачался и цыпленок.

Но и этого сказать нельзя. Всякое развитие начинается с того момента, когда наступает дробление яйца. Значит, куриное развитие нужно считать с того момента, когда начинает дробиться *зародышевый диск* яйца. Если положить яйцо боком, этот диск помещается всегда наверху и помещается как раз на границе между желтком и белком. Дробление идет как обычно, на клеточки. Из одной клеточки, которая разделяется пополам, делается две, из двух—4, из 4—8 и т. д. Рост и дробление клеток идет очень быстро, а потому в один—два дня из одной клетки может их получиться целый миллион.

Получается при этом отнюдь не цыпленок, а только одне клеточки. В этом, конечно, нет никакой несообразности. Из клеточек все равно строятся будущие органы и части тела будущего цыпленка. Но дело в том, что дробление на клеточки указанного диска (а затем и др. частей яйца) начинается не с той минуты, как началось насиживание или подогревание, *а гораздо ранее.*

Возьмем яйцо тотчас после того, как оно вышло из тела курицы. Тогда мы найдем, что этот диск уже разделен на клеточки, т. е. дробление яйца началось еще в утробе матери. И мы со своим инкубатором только подхватываем и продолжаем ту работу, которую начали материнские недра.

Это очень хорошо и поучительно, что мы умеем построить такой аппарат, который может заменить материнские недра. Но это все-таки не дает нам желанного ответа на вопрос, когда же начинается цыпленок.

Мне самому сначала казалось, что это я начал развитие цыпленка. Начавши инкубацию в 8 час. утра 24 апреля, я тогда же и зародил в яйце те изменения и ту строительную, деятельность, которая, нарастая, приведет к цыпленку. Но я ошибся в этом. Стремление это началось еще тогда, когда появилась в яйце (в диске) первая клеточка дробления. А началось это внутри курицы вдали от моего острова. Тогда курица еще бегала с яйцом по рыбацкому двору и тогда еще

никто из людей не знал, даст она для нас годное яйцо, или не даст.

В этой тайне, которая окружает начало жизни, все удивительно. Удивительно и то, что нигде не видно начала. Удивительно и то, что начало полагается в одном месте, в недрах курицы, а продолжение может идти где-нибудь за тридевять земель в другом месте. И уже вне всякой курицы, в простом каком-то ящике.

Если все это так, то дробление яйца, которое дает начало развитию, может появиться где-нибудь около Сан-Франциско. А затем такое яйцо может спокойно переехать весь континент С. Америки и весь атлантический океан. И здесь на берегах Европы как ни в чем не бывало, это яйцо станет продолжать свое развитие.

Эту отсрочку в дроблении яйца мы хорошо видим. Но начало цыпленка мы все таки не найдем. Ведь все яйца, которые выходят из курицы, есть только яйца, несмотря на то, что дробление в них уже началось. По крайней мере все мы называем и считаем их яйцами. И при этом совсем не интересуемся каким-то там микроскопическим дроблением. Значит, и яйцо после первого дня насиживания все-таки остается яйцом, хотя дробление в нем уже далеко продвинулось. Может быть, оно остается яйцом и после второго и после пятого, и после десятого дня насиживания! До тех пор, пока зародыш цыпленка станет величиной с яйцо, или пока он займет своим телом более половины яйца.

Когда я начал инкубацию, у меня была одна цель. Я хотел только получить живых цыплят одними собственными силами, без участия наседки. Таким образом, я хотел создать на необитаемой скале домашних живых существ. Но принявшись усердно за это дело, я успел многое передумать в течение 10 истекших дней. Досуга у меня было очень много. И не только днем, но и ночью, когда тревожное состояние награждало меня бессонницей. Следя за лампой и за термометром, я в то же время мысленно вникал в то, что происходит в яйце. Я старался проникнуть умом в те незримые перемены, которые скрыто, но непрерывно идут под скорлупой. И старался разгадать весь ход их в том виде, в каком они совершаются изо дня в день.

Мысли мои невольно срослись с яйцом. Я жил его переживаниями, и ни о чем постороннем думать не мог. Я, действительно, заменил наседку, но за-то и сам как-бы превратился в наседку. Не знаю, думает ли курица, когда сидит на яйцах. Но если она думает, то, наверное, думает только о будущих цыплятах, которых она высиживает. Не думать о них она не может, так как через яйца она как-бы срастается с ними физически.

Я же сросся с ними умственно. А так как природа наделила меня любознательным умом, то я старался вникнуть в ход дела гораздо глубже. Теперь я уже довольствовался только одним внешним уходом за яйцами. Я перекопал за эти дни всю маячную библиотеку, в надежде найти хоть какие-нибудь сведения о развитии яйца или о развитии вообще. Но кроме самых кратких замечаний в энциклопедии, я решительно ничего не нашел.

Не знаю, было ли это для меня большой потерей. Когда мысль работает напряженно, она и в кратких фразах находит целое откровение. О многом я читывал и раньше. И теперь, когда появилась нужда, все это само собой припомнилось.

Вот почему в этом дневнике мне приходится передавать не только внешний ход событий, но и часть моих мыслей о том, *когда, как и где начинается цыпленок*. Эти мысли во дни инкубации приковали к себе все мое внимание. Оне для меня были гораздо важнее, чем простое наблюдение за аппаратом, важнее, чем напрасное беспокойство о правильном действии его.

Но то, что мне пришлось передумать относительно начала цыпленка, можно распространить далее. Эти мысли могут иметь отношение и к началу всякого живого существа, от человека до скота. Высиживается ли животное в яйце, или вынашивается до конца в утробе матери, все равно, оно одинаково происходит из яйца. Только одно яйцо большое, в скорлупе, и выходит наружу для своего развития, а другое, никому почти неведомое, проходит свое развитие тайно в недрах матери. Но всякое яйцо начинает свое развитие с того, что в нем появляется дробление. Дробление и нарастание. Наростание и изменение клеток. Изменение и сложение их в отдельные группы, для образования органов и

частей. Так просто, повидимому происходит это развитие! И такой сложный, удивительный результат получается в конце его!»

XX. Чуть-чуть не проспал.

(День одиннадцатый).

4 мая.

«Сегодня у меня случилось большое несчастье, которое чуть не положило предел всему моему творчеству и всем моим надеждам.

К 9-ти часам утра, как всегда, я окончил свой завтрак и уход за инкубатором. Яйца были освежены и перевернуты на другой бок, а в песочные стаканчики налито воды. Лампа заправлена и зажжена вновь, керосину в нее налито доверху. После двух пасмурных дней погода опять прояснилась. И великолепное солнце уже с утра разливало повсюду свои вешние лучи, оживляя и радуя всех живущих.

Вышел и я на солнце после исполнения своих обязанностей. Камень скалы был уже значительно нагрет. Для удобства я захватил с собой одеяло и подушку и расположился на солнце погреться и помечтать. В каменном здании было еще прохладно, и потому здесь вешние лучи солнца обладали особенной притягательной силой. Я размечтался о будущем моем курином выводке и не заметил, как сладко заснул.

Проснулся я, когда стало довольно жарко. По высоте солнца и по положению теней было видно, что идет час первый. Я сладко потянулся, но вдруг вспомнил и вскочил, как ужаленный. Я заправил лампу и ушел, не убедившись в силе ее нагрева.

Бегу в комнату и первое, что вижу, лампа горит ярким огнем, каким никогда не горела. Беру термометр и с ужасом вижу: — 41°!

В тот же миг я вытащил ящик, отставил его подальше от инкубатора, потушил лампу и раскрыл окна и двери настежь. Нужно было как можно скорее охладить яйца, потому что они дошли до крайне опасной лихорадочной температуры. Еще немножко, какойнибудь один единственный градус, и дело навсегда покончено!

Все зародыши остались такими же точно, какими были три часа назад. Никакой глаз ни в чем не заметил бы разницы. Движения, биения, либо заметного дыхания, все равно не было. Но при 42° эти зародыши были бы мертвыми, тогда как незадолго до этого, они были живыми.

Что такое один какой-то градус? Поднятие столбика ртути на некоторую долю миллиметра. Увеличение нагрева на такую разницу, какой не заметит ни одна самая чувствительная часть человеческого тела. Но это увеличение несет смерть цыпленку. Вроде того, как ноль градусов несет замерзание воде. Затвердение или замирание жизни цыпленка при 42° . Совершенно такой же величины градус, так же машинально отмечаемый ртутью, если он показывает увеличение с 39 до 40, не замечается будущим цыпленком. Даже от 40 до 41 увеличение переносится им без вреда. Но точно такое же маленькое увеличение от 41 до 42 уже означает смерть.

Что делается с зародышем, когда он гибнет от этого несчастного градуса? Свариться он не может. При 42° яйцо не варится. Задохнуться тоже не может: ведь воздух к нему притекает одинаково, как при 41, так и при 42° . Отчего же он умирает? Человек также умирает при 42° . Но не потому, что его так сильно нагрели, а потому, что в нем развилась болезнь, которая высоко подняла его температуру. И эта температура только свидетельствует о том, как велика его болезнь.

Но и 41° представляет для цыпленка большую опасность. Жизнеспособность у моих зародышей, наверное, не у всех одинакова. У одних она сильнее, у других слабее. Более слабые могут погибнуть от такого нагрева. Тогда сегодняшний случай останется весьма прискорбным для меня. Я ожидал 10-ть цыплят, а могу получить какихнибудь пять, либо всего только два.

Я страшно досадовал теперь и на себя, и на весну, и на очаровательное солнце, которое так ласково пригрело одинокого человека, прикурнувшего на одинокой скале. Уж, конечно, оно не знало, что этот волшебный сон мог окончиться неминуемой смертью нескольких еще неродившихся созданий. Как все на этом свете тесно связано друг с другом! Нет, хоть я и не часовой, но всетаки безсменно должен стоять на своем посту. И блажен тот, кто сумеет выстоять до конца в своем неустанном бодрствовании!

Этот случай очень огорчил меня и очень встревожил. Было бы несказанно жалко всех погибших трудов и погибших надежд. И очень бы не хотелось, чтобы мои милые и наивные рыбаки со своим детским кругозором, торжествовали надо мной свою скороспелую победу. Тогда они надолго укрепили бы себя и своих соседей в своем злосчастном заблуждении.

Как бы то ни было, теперь, увы, дела не поправишь. Что погибло, а что не погибло в моем инкубаторе, мы увидим вскоре. Очевидно, за 10 дней я так привык к своему ответственному делу, что потерял всякую осторожность. Привычка в некоторых случаях очень вредна, потому что она усыпляет бдительность и делает человека неразсуждающей безответственной машиной.

На одиннадцатый день следует снова взять себя в руки, быть постоянно на страже и оставаться столь же внимательным, каким я был в первые дни. Сегодня, как раз у меня перелом. Мне осталось потерпеть вторую половину должного срока, а вторая половина пути всегда кажется легче и проходит быстрее. Если удастся не допустить вторично такого несчастья, какое случилось сегодня, то, может быть, дело закончится вполне благополучно. Одна лихорадка—ничего. Но две могут оказаться смертельными. И так, с завтрашнего дня никакие соблазны весны пусть на меня больше не действуют».

XXI. Небольшое несчастье.

(День восемнадцатый.)

11 Мая.

«Одна беда не приходит, а влечет за собой другую.

С 5-го мая соблазны, действительно, перестали на меня действовать. Но случилось нечто совершенно другое. Я хотел было поупражнять свои физические силы. Но сталкивая большой камень с уступа скалы, оступился и сильно повредил себе правую руку. Ушиб или растяжение в кисти, затем опухоль и сильная боль сделали то, что я не мог правильно держать пера в руке и набрасывать свои мысли в дневник. Да и сегодня я пишу большими каракулями, а писать много

мне еще тяжело. К счастью, за эту неделю ровно ничего выдающегося не случилось, так что и писать было нечего.

Если оглянуться назад, то вся неделя промелькнула, как одно мимолетное видение. Удивительно кратким кажется время, если оно ни чем не наполнено, или же наполнено таким однообразным трудом, как у меня. Изю дня в день я должен был повторять одно и то же без малейших изменений. Всякая перемена в распределении времени изменяла бы и уход за инкубатором. А изменять этот уход было очень опасно. Если я хочу присвоить себе творчество природы, то я должен действовать с неизменностью законов природы. Скучно это, или не скучно, но я должен каждый день в одни и те же часы делать одно и то же.

Но рука еще болит у меня и писать мне трудно».

XXII. Мечты, или действительность?

(День девятнадцатый).

12 мая.

«И так, я дожид до близкого конца. Завтра роковой день. Завтра я должен увидеть первую наклевку. Завтра самый сильный и самый скороспелый цыпленок, чувствуя себя зрелым, пробьет носиком скорлупку. И какое нибудь яйцо, лежавшее 20 дней без признаков жизни, «наклюнется» изнутри.

Мечты это, или я увижу в действительности? Неужели я дожид до того, когда в моей коробке, из моих рук, при моем творческом содействии, вынырнет настоящий цыпленок? И я увижу подлинный плод моих неусыпных стараний—настоящее живое существо, но созданное моими собственными руками!

От одной мысли об этом у меня кружится голова. И мне кажется, что я не дождусь этого близкого и решительного дня, когда окончатся сразу все мои тревоги. Только окончатся ли? А вдруг я получу 10 цыплят? Как я буду воспитывать такую армию? Ведь она требует постоянного ухода, согревания и непрерывной материнской заботливости.

Я получу спокойную ночь и чистый воздух. Мне не нужно будет по ночам дышать запахом керосиновой гари и подни-

маться по нескольку раз с постели, чтобы ревизовать термометр. Но получу ли я спокойный день, этого я совсем не знаю. Ведь я ни разу не видывал и даже не читывал про цыплят на необитаемом острове. Как то они здесь станут жить с человеком? С тем единственным живым существом, которое не только заботится о них, но которое дало им и самую жизнь.

Этого последнего обстоятельства, — кто дал им жизнь, — цыплята совсем не знают. Это в собственном смысле слова — не их ума дело. Но у них остается вечный инстинкт и особое чутье. Чутьем они тянутся к тому, кто к ним ближе всего и у кого они найдут теплоту и корм. Неужели и ко мне они потянутся также точно, как к матери?

XXIII. Первая наклевка.

День двадцатый.

13 мая.

«Сегодняшнюю ночь я провел особенно тревожно. Чем ближе к цели, тем больше и больше усиливается тревога. И усиливается осторожность. Затрачено слишком много труда и еще больше волнений. Поэтому было бы чрезвычайно обидно — испортить дело и потерять все сразу из за какого-нибудь недосмотра в последний день.

День этот установлен не мной, а самой природой. И в этот день окончательно решается судьба всякого ку иного насиживания. Либо есть уже цыплята, которые наклюнутся и проявят себя сегодня же, либо их нет вовсе. И тогда никакой наклевки сегодня я не получу. Тогда будет очевидно, что я уже совсем ничего не получу, и что весь труд мой — безнадежно пропал даром.

Утром, переворачивая яйца обычным манером, я тщательно осмотрел со всех сторон каждое яйцо, нет ли хотя где нибудь, хоть малейшей трещинки. Увы, не было нигде никакой. При этом я ощупывал каждое яйцо, незаметно ли где нибудь хоть самого маленького трепетанья. Мне казалось, что оно должно проявляться у живого созревшего птенца. А если бы оно было, то оно должно сквозь скорлупу яйца передаваться моей руке.

Но было все везде мертво. Не ощущалось ни в одном яйце никакого биения жизни.

Этого мало. Я прикладывал каждое яйцо к уху, думая, что моя рука мало чувствительна. Не уловит ли хоть ухо этого скрытого таинственного биения жизни? Ведь об этой жизни до сих пор никак нельзя сказать наверное, есть она, или, увы, давно уже улетела. И кто бы сказал, когда и от каких причин она пресеклась на веки?

Как это странно! Я держу в руках яйцо с живым цыпленком, — ведь есть же хоть один живой у меня! — исследую его самым внимательным образом и никак не мог сказать, что я держу его в руке. Может быть, это — слегка насиженное умершее яйцо; может быть труп недоразвитого цыпленка. А может быть, это — уже живой сформированный птенец, который через несколько часов станет усиленно пробивать клювом своды своей темницы, чтобы открыть выход из нея.

Уж в этот-то момент, работая носом, он будет делать судорожные движения не только головой и шеей, но и всем туловищем. И тогда, наверное, это движение будет заметно ощущаться в руке. Вот было бы приятно уловить этот момент! Если бы цыпленок вздумал вдруг начать эту удивительную работу как раз в ту минуту, когда я держу яйцо в руке и осматриваю его со всех сторон!

Но я напрасно осматривал, ощупывал и высушивал. Ни одно яйцо не обнаружило никаких признаков жизни. Было все везде мертво. И, казалось, от всего моего выводка веяло полной безнадежностью.

Пока я еще не решался сказать, что все кончено и что для меня не остается ничего другого, как только предаться отчаянию. Может быть, завтра вечером такой вывод уже можно будет сделать, но сегодня еще слишком рано. Кто знает, не держал ли я температуру гораздо ниже, чем следовало? Тогда развитие шло медленнее, чем нормально бывает, и цыплята станут появляться днем позже.

Успокоивши себя таким соображением, я задвинул ящик и предоставил цыплятам спокойно дозревать, если они там имеются. Но нетерпение все таки сильно разбирало меня. Я не мог ждать еще целые сутки хладнокровно, и потому через каждые 2 — 3 часа снова выдвигал ящик и осматривал

сверху все яйца, отыскивая наклейки. А до вечера не утерпел и еще один раз снова перевернул все яйца. Но ни одно яйцо все таки нигде не наклюнулось.

Вечером я произвел обычное освежение не в 8 час., как прежде, а в 7 ч. Мои рыбаки почему то сегодня запоздали. И я не хотел, чтобы они помешали мне произвести надлежащим порядком мой вечерний обиход с заправкой лампы и со всей ревизией.

И вот опять я переворачиваю каждое яйцо, выслушиваю и ощупываю: первое, второе, пятое, девятое. . . . С каждым новым яйцом мои надежды падают все сильнее и сильнее. И я равнодушно беру уже десятое яйцо. Осмотр оканчивается почти в полном унынии. Я все еще надеялся, но за эти несколько минут надежды все падали и падали, а уныние все росло и поднималось. Теперь я был близок к такому огорчению, описать которое я не сумею в этих беглых набросках дневника.

Но чу! Что это такое! В этом яйце мне почудился трепет. . . . Очевидно мое желание иметь цыплят достигло слишком высокой степени. Я потерял всякую способность правильно чувствовать и у меня явились обманы чувств.

Нет, это, кажется, не обман. . . . Я чувствую трепет вторично и останавливаюсь в нерешительности. Не появится ли он в третий раз, чтобы исчезло, наконец, всякое сомнение в ошибке? Но третьего раза я так и не дождался. Я машинально повернул яйцо к свету и. . . . ахнул!

На нем была настоящая, форменная наклейка, которую узнал бы всякий ребенок, если бы он хоть раз видел наклюнувшееся яйцо.

Я моментально захлопнул ящик и пустился проделывать в комнате такой пляс, какого эти комнаты, наверное, не видывали с самого основания. Но здесь мне было тесно и я вихрем вылетел на двор, чтобы там на большем просторе дать надлежащий исход моему бурному восторгу.

Как жаль, что судьба не одарила меня талантом писателя, чтобы излить эти чувства в восторженных стихах или в еще более восторженной прозе! Да едва-ли и поймут мои чувства мои читатели, — если они когда нибудь прочтут этот дневник. Ведь никому из них не приходилось *самому* сочинять инкубатор, *самому* додумываться до насиживания цыплят, *самому*

проводить над ними бессонные ночи. . . . И все это проделывать в полном одиночестве на каком то необитаемом острове.

Если ктонибудь пережил хоть частицу того, что пережил я в таких обстоятельствах, он и без красивой или звучной фразы поймет мои необычайные восторги и мои пылкие излияния. Эти излияния поневоле должны были происходить в прыжках и в движении, а не в словах, или членораздельных звуках. Ведь я был совершенно одинок и мне не к кому было обращаться с восторженной речью.

Опомнившись, я зашел в комнату и тут только увидел, что радость отшибла мне память и что я совсем забыл заправить лампу. Термометр показывал только 37°. Если так пойдет дальше, то у меня не получится ни одной новой наклейки. Да и навлюнувшийся цыпленок не доживет до выхода.

Заправивши лампу я опять вспомнил про рыбаков. И нельзя было не вспомнить, потому что мне страстно захотелось поделиться своей радостью хоть с кемнибудь. Было уже 8 часов. Я выглянул в боковое окно, обращенное к берегу и с удовольствием увидел, что лодка уже подвигается к моей скале.

Я вышел к месту причала и издали стал махать рыбакам платком, чему они, наверное, не мало подивились. Раньше я никогда не делал этого. А когда лодка приблизилась до меня, стали долетать всплески от весел, я приложил, ладони рупором к губам и громко закричал:

— А у меня уже есть цыпленок!

Более отзывчивый Джон, не опуская весел из рук, ответил мне в тон:

— А мы этому все-таки не верим!

— А вот сейчас увидите.

— Увидим, коли есть на что смотреть.

Едва они причалили, как я пригласил их к себе, чтобы видеть и уверовать.

Я был так возбужден, и взволнован, что один мой вид уже действовал на них. Очевидно было для всякого, что случилось что то необычайное. И потому они ничего не возражали и с серьезными лицами последовали за мной.

В комнате я тотчас выдвинул ящик с яйцами и поднес его к лицу.

— Да ведь это яйца! воскликнули они оба.

Действительно, это были яйца. В своем расстройстве чувств, я сам не знаю, куда сунул яйцо с наклейкой. Я не только не заметил места, куда его положил, но и положил не так, как-бы следовало, т. е. не вверх наклейкой.

Мои рыбаки смотрели на меня с большим недоумением, полагая, что со мной делается что-то неладное. Мой взволнованный вид мог легко укрепить их в этом предположении. Я же торопливо перебирал одно за другим все яйца. Но от волнения и от полумрака, царившего теперь в комнате, я не мог найти то, которое было нужно.

Досталось тут всем моим ненаклянувшимся цыплятам!

А рыбаки сурово нахмурились и готовы были повернуть назад, когда вдруг я нашел то, что искал, и поднес им.

— Смотрите и убедитесь!

Посмотрел один и повертел, посмотрел другой и повертел. Первый вынул карманный нож и слегка приподнял надломанную скорлупу. Там из разорванной пленки яйца торчал несомненный носик цыпленка.

— Да, это штука, сказал Джек.

— И штука важная, — прибавил Джон. Если только нет здесь какогонибудь навождеиня.

— Может быть, вы и правы, сказал Джек в раздумье. Но все таки покажите лучше нам живого, настоящего цыпленка. Пока у вас еще нет его. До послезавтра мы подождем, ведь немного уже осталось. И если победа будет за вами, мы спразднуем тогда вместе день настоящего куриного рождения. Теперь же в нас крепко сидит сомнение: Бог знает, как вы устроили там этот нос в яйце.

Я не возражал. Действительно, ждать осталось недолго. Этот нос выйдет скоро на свет. И к их следующему приезду, наверное, уже запросит есть.

Рыбаки уехали. И с сегодняшним вечером окончились у меня дни сомнений, колебаний и опасений. Несомненно уж теперь я кое-чего достиг. Завтрашний день окончательно докажет, достиг ли я многого, или нет».

XXIV. Цыплята во сне и цыплята на яву.

(День двадцать первый).

14 мая.

«Недолго мне пришлось заснуть сегодня. От радостного возбуждения сон бежал с моих глаз. А когда он смежил их, наконец, потекли сновидения, одно другого удивительнее и ярче. Они были чрезвычайно живы. И проснувшись, я долго не мог сообразить, во сне я это видел, или на яву.

Разумеется, я видел своего единственного наклюнувшегося цыпленка. Он вылез не только из скорлупы, но и из плотно закрытого ящика, где ему стало холодно. Вылез такой мокренький, слабенький. . . . И на шатающихся ножках прижался к горячей лампе, чтобы обсохнуть и согреться. И сгорел. В ужасе я просыпаюсь, осматриваю лампу кругом и не нахожу там никого. Затем смотрю внутрь ящика и нахожу яйцо с наклейкой в том самом месте, где оно было и с вечера.

Другие сны были в таком же роде. Цыплята на яву и цыплята во сне. Скоро я действительно заболею цыплетоманией.

В восемь часов утра я нашел еще одну очень маленькую наклейку. Старая же оставалась все в том же положении. И это меня очень обеспокоило. Я испугался, не умер ли уже до выхода этот первенец. Но нет! Трепетание в нем еще чувствовалось. Я осторожно надломал скорлупу пошире, не повреждая пленки и положил в центр ящика. Я думал, что здесь будет теплее и потому первенец скорее созреет.

После этого я заглядывал в инкубатор еще два раза, но дело оставалось все в том же положении. Новорожденный никак не хотел родиться.

Помочь ему я решительно ничем не мог. Надрывать самую пленку было невозможно. Она слишком тесно прижималась к коже цыпленка и все время служила для него «легкими», т. е. сквозь нее прямо в кожу проникал кислород воздуха, а обратно выходила углекислота. Таким образом непрерывно совершалось кожное дыхание. Когда цыпленок наклюнется и начнет дышать носом сквозь пробитое отверстие, кожное дыхание постепенно прекращается. И к тому времени, когда цыпленку надо выходить из скорлупы, связь

кожи и пленки окончательно прерывается. До этого же времени, потянувши за пленку, можно отдрать и кожу. Все это я уже успел хорошо изучить.

Я лежал на своем солнцепеке и мучился в догадках, чем бы помочь такому горю и ускорить рождение неродившагося. Наконец, решил все таки попробовать осторожно потянуть за пленку. Если она будет отставать от кожи, то надорвать ее. С таким роковым решением я медленно направился в комнату. Все еще я опасался, не погубить бы мне собственными руками свое долгожданное детище.

Медленно отодвигаю ящик и столбенею от неожиданности. Над яйцами барахтается потревоженный мною новорожденный, силится встать на ножки и, качаясь, опять падает. Я чуть было не поцарапал ему спину, так как в стоячем положении он оказывался гораздо выше ящика. И только тут я увидал, какой я сделал большой недосмотр. Я рассчитал высоту ящика по размеру яиц и совсем забыл о размерах цыпленка, выходящего из яйца.

Можете вы теперь легко представить мою гордость, с какой я взял в руки это влажное, облезлое, барахтающееся существо! К голой, тонкой и розовой кожице прилипли какие то темносерые волоски и делали всю фигуру новорожденного весьма непривлекательной. Огромный живот, в который целиком был включен неусвоенный еще желток яйца, длинные ноги и голова с толстым клювом на тонкой длинной шее делали моего новорожденного очень крупной птицей. Глядя на него и на валявшиеся в ящике половинки скорлупы, трудно было поверить, как такой огромный зверь мог помещаться в таком тесном домике.

И тем не менее, он помещался в нем, пока могучим напором плеча и ног не разломал свой утлый домик на двое.

Теперь у меня сразу прибавилось работы. Нужно было обогреть и обсушить новорожденного. Не держать же его все время в руках, где он уже начинал беспокоиться от холода. Стоило только немножко обогреть его дыханием, как беспокойство его тотчас же прекращалось.

Сушилка и грелка у меня были уже приготовлены. Я еще с утра ждал появления нового существа в моем жилище и нагрел чугунок с водой. На чугунок поставил кастрюлю, наложивши в нее ваты, а кастрюлю покрыл куском старого

сухна. Теперь все это стояло в готовом виде и еще не успело остыть. В середину этого-то теплого гнездышка в мягкую вату я усадил своего птенца, который, почувствовав кругом теплоту, тотчас затих.

Итак, я получил, наконец, то, к чему стремился двадцать суток! 20 бессонных ночей не пропали даром. Будут ли у меня еще птенцы из других яиц, или не будут, — все равно. Но один уже есть. И он красноречиво кричит о моей победе. О том, что я преодолел все затруднения, что могу теперь, если захочу, наделать живых цыплят сколько угодно.

Если бы я взялся за дело вторично, я устранил бы все те недостатки аппарата, которые обнаружились на деле. И положил бы в него сразу 40 либо 50 яиц. Здесь на острове и с пятью цыплятами будет не легко управиться. А если бы я жил на широком просторе полей, я настроил бы таких инкубаторов целые десятки. И мог бы сотнями выводить цыплят с ранней весны до осени. Было бы у меня такое множество кур, что супу из них — есть не переест. Тогда исполнится пожелание одного старинного короля Франции: у каждого крестьянина в воскресенье должен быть суп из курицы.

И, наконец, если устроить повсеместно настоящие инкубаторы, то всем школьникам можно доставить бесконечное разнообразие наслаждений и поучительных наблюдений. Таких наблюдений не даст им ни одна книга, ни одна картина.

Но теперь мне было не время предаваться таким мечтам. Да и вывел я пока что одного только цыпленка. Он еще не успел обсохнуть. И неизвестно, что с ним будет дальше.

В поисках за другими цыплятами я пошел опять в инкубатор и, осмотревши снова все яйца, нашел там еще две наклевки. Очевидно, дело пошло недурно. Один сидит в грелке, а трое новых наклюнулись. Если бы на этом и кончилось, я имел бы уже четверых настоящих птенцов. Этого почти достаточно, чтобы внести большое оживление в мою монотонную, одинокую жизнь.

Я вышел опять на солнце и предался сладостным мечтам. Сердце мое приятно замирало при мысли, что я, наконец, достиг того, к чему стремился. Отныне в мою жизнь войдут такие новые переживания, которых мне ни разу в жизни не приходилось испытывать.

Да, приятно думать об успехе начатого дела. А тем более такого дела, в котором человек проявляет победоносное могущество своего разума. Во всем свете пропадают целые миллиарды яиц, которые куры нанесли, но которые насиживаться курами не могут. Ни одна курица не может вывести столько цыплят, сколько она снесет яиц. К этим яйцам приходит со своей изобретательностью человек и превращает все их без малейшего труда в живых цыплят. Эти цыплята вырастут и нанесут еще большее количество новых яиц и т. д. Можно в 2 — 3 года весь мир заполнить цыплятами и курами.

Но такие широкие мечты не могли заставить меня забыть мою тесную действительность. Нельзя думать о будущих интересах целого света, когда три наклейки ждут моей немедленной помощи в настоящую минуту. Я почти каждые полчаса заглядывал в инкубатор и не мог дождаться, когда выйдет второй птенец.

Тем временем первый совершенно обсох и радикально изменил свою внешность. Теперь он был желтенький, мохнатенький, кругленький и такой нежно-пушистый! Так и хочется приложить его к щеке! Глазенками моргает, рот разевает. И все силится встать на ноги, да это у него никак не выходит. Но что-бы его не заморозить, я поскорее сажаю его опять в то же гнездышко, а в чугунок подливаю еще немного горячей воды.

В конце концов я дождался! К ночи один за другим вышли все три птенца. Последний выполз тогда, когда я, раздевшись, хотел было совсем лечь спать. Я перенес его к остальным в грелку, которую еще раз подогрел. Вчетвером им легче было проводить ночь, прижавшись тесно друг к другу.

Появились еще три новые наклейки. Это был едва-ли не самый замечательный день в моей жизни. Мне было так весело, легко и отраднo, что я думал совсем не спать от радости. Но едва попал под одеяло, как заснул счастливейшим сном».

XXV. Покажите нам цыплят.

(День двадцать второй).

15 мая.

«Последних трех наклевок мне было не особенно жаль и потому я спал без просыпа. Пускай лампа хоть совсем потух-

нет. Но она не потухла. В 5 часов термометр показывал 37°, а в ящике сидели уже два новых цыпленка. Итого шесть. Не дурно для первого опыта.

Седьмой никак не хотел выходить из яйца, хотя я несколько раз оказывал ему всяческое содействие. К вечеру я обломал скорлупу почти на половину, и только тогда уже в 8-м часу он вышел из яйца, видимо слабый и хилый. Я привязал ему к лапке шерстяную ниточку, чтобы отметить его от других, так как на первых парах они казались мне все похожими друг на друга.

Оставшиеся три яйца сиротливо валялись в просторном ящике, где нагрев совершался попрежнему. Но ни одно из них не наклюнулось. Решил подождать еще до утра. Но в ту минуту, как я задвигал ящик, я услышал шаги и одновременно увидал рыбаков, которые входили ко мне с провизией. Увлеченный цыплятами, я забыл встретить их на пристани, а они обеспокоились моим отсутствием и направились прямо в комнату.

— Ну что? спрашивает Джек, как только мы поздоровались. И оба смотрят на инкубатор.

Я молча выдвигаю ящик и молча люблюсь их недоумением. Они видят только три яйца и тотчас спрашивают:

— А где же остальные?

Я говорю, что все остальные я превратил в цыплят.

— Так покажите же цыплят!

— Поверьте мне на слово, отвечаю я. Тогда покажу.

Но меня самого разбирает нетерпение. Мне очень хочется похвалиться перед ними своим успехом. Я веду их в кухню, снимаю кастрюлю с чугунка и сдергиваю крышку. Там, погруженные в вату, и тесно прижавшись друг к другу, мирно спали все семеро. Голова одного лежала на спине другого.

Не могло быть никаких сомнений! Все были самые настоящие цыплята. [Как две капли воды все были похожи на самых обыкновенных куриных цыплят. А родились на свет совсем в необычных условиях, за две версты от живой курицы. Дело ясно, как дважды два. Никакое закоренелое неверие в таком случае не выдержит, и рушится само собой. А мои рыбаки были совершенно искренние люди. Поэтому они не стали ни закипать, ни оправдываться в своем заблуждении. Они просто протянули мне руки и долго сердечно пожимали их. Улыбались во весь рот и поздравляли меня.

— Теперь мы все таки вспрыснем новорожденных! сказал, наконец Джон. И я не успел оглянуться, как уже на моем столе была водворена бутылка с мадерой и три рюмки, которые тотчас были налиты.

— За ваше здоровье, товарищ! сказал Джек, поднимая рюмку. Вы у нас право, такой молодчина, какого нам еще не приходилось видывать. Если вы так пойдете и дальше, то далеко-далеко дойдете. . . .

Здесь красноречие его иссякло. Но в лице светилось так много приветливости и радушия, а его мимика дополнила то, чего не мог выразить его непослушный язык.

Мы уселись за стол, распили бутылочку и повеселевшие рыбаки сознались, что они ехали ко мне сегодня уже не с теми предрассудками, которые высказывали раньше. Над первой наклейкой, которую они видели у меня позавчера, они крепко задумались. И потому порешили на всякий случай захватить с собой хорошего винца. Было условлено, что эта посуда выйдет на сцену в том случае, если у меня окажется хоть один новорожденный.

Я задержал их у себя поужинать, хотя мой ужин, сделанный на скорую руку, вышел очень скромный. Хорошо, что от прежних дней у меня накопились разные консервы. Теперь они оченьгодились. Мы расстались уже в глубокие сумерки и расстались добрыми друзьями. Мои рыбаки сами напомнили мне о разном корме, который понадобится скоро для цыплят, и обещали привезти все необходимое послезавтра.

Ложась спать, я не забыл заглянуть на оставшиеся яйца, но наклейки не появилось ни на одном из них. Беспокоить же цыплят я не стал. Они спали безмолвно. Я прикрыл их потеплее, и подлил им еще горячей воды, а для воздуха оставил две небольшие отдушины».

XXVI. Точный перечень ошибок.

(День двадцать третий).

16 мая.

«Без особой торопливости заглянул я утром в инкубатор. Попрежнему ни одной наклейки. По всему ходу дела можно было наверное сказать, что из этих яиц ничего не выйдет.

И я спокойно потушил свою животворную лампочку.

Зато в кастрюле у меня жизнь явно пробудилась. Там тихо попискивали новорожденные, а когда я приподнял покрывку, писк нескольких голосов сразу раздался еще громче. Я вынул всех их на кровать и предоставил им свободу.

Что это было за восхитительное зрелище! Какой пушок! Какие крылышки! Какие глазки! Кто стоял на ногах, кто падал. Кто пытался бежать, но на каждом шагу спотыкался о неровности одеяла. И все одинаково мигали и щурились от яркого света. Солнце заливало мою комнату своими лучами и слепило им глаза после той тьмы, из которой они сразу вынырнули, глаза, еще не знавшие радостного утра. Иные уж тыкали носом в разные пятнышки, которые находили на одеяле. Очевидно, учились клевать. Но я знал, что клевать им еще рано. В животе у них явственно прощупывался желток бывшего яйца, и нужно было подождать, пока они переварят его.

Пока я забавлялся с ними и обогревал дыханием то одного, то другого, вода у меня уже закипела в чайнике. Я развел в чугушке градусов до 40, поставил на него кастрюлю и опять уложил новорожденных греться. Сначала оттуда слышались голоса, — довольные или недовольные, не разберешь, — но они скоро замолкли.

Теперь посмотрим, что-то есть в мертвых яйцах. Я разбиваю одно за другим и везде нахожу зародышей разного возраста, конечно, мертвых.

В одном еще маленький, плохо сформированный зародок, плавает в яичном белке. Может быть, умер еще на 12 либо 13 день насиживания. Второй был значительно старше. А третий умер, наверное, перед самой наклейкой. Он был вполне сформирован и я не мог понять, почему у него не хватило силы пробить яйцо и выйти на волю, как вышли другие его товарищи. Уж не убил ли сейчас его я сам, разбивая яйцо без всякой осторожности? А может быть, он задохся от неведомой мне причины.

Но причин этих, я знаю, могло быть только три: 1) сухость воздуха, так как два стаканчика с влажным песком высыхали очень быстро. Их надо было четыре, либо шесть. 2) Плохое проветривание и недостаток чистого воздуха. Гарь от лампочки могла заходить внутрь инкубатора, так как прорезы, где жестяные трубки входили в ящик, не были заделаны и замазаны. И, наконец, 3) неравномерность нагрева.

Если бы я был предусмотрительнее, эту последнюю причину легко было бы устранить. Нужно было только устроить бак или ящик для воды не в один дюйм высотой, а например, в 4 дюйма, при тех же размерах его дна. Тогда в него входило бы воды раза в 4 больше, чем было у меня. Это количество воды в столько же раз медленнее нагревалось бы и во столько же рас медленнее остывало. Т. е., когда лампа начнет пошаливать в ту, либо другую сторону, опасное повышение или понижение температуры наступило бы не через $\frac{1}{2}$ часа, как это было у меня, а через 2 часа. Получился бы большой промежуток времени, при котором неправильность действия лампы была бы замечена и во время исправлена. И эта неправильность не успела бы изменить температуру воды до опасных границ.

Несомненно, опыт учит. Этот опыт научил и меня, обнаруживши мои ошибки. И если мне придется когда нибудь повторить свой опыт, то результаты его будут гораздо лучше.

Но и теперешним успехом я был вполне доволен. Из 10 яиц, если не считать разбитого, я получил 7 цыплят, т. е. 70% удачи. А если бы из разбитого яйца вышел цыпленок, то их было бы и всех восемь.

Для первого опыта и нельзя требовать лучшего результата».

XXVII. Уход за новорожденными.

Здесь оканчивается мой дневник. Я записывал только дни насиживания, и кончивши инкубацию, покончил с дневником.

О дальнейшем, не прерывая рассказа, мне придется кратко сообщить уже по воспоминаниям. Но, все эти события до сих пор очень живо встают в моей памяти. И здесь мне ничего не придется выдумывать.

Самое важное, что мне необходимо было сделать, это — грелку для цыплят. Нельзя же их держать все время в кастрюле! Ловить и сажать туда по одиночке и вынимать обратно, словно некоторую кладь. Затем, они быстро будут расти, а греться им надо, особенно ночью, до тех пор, пока они оперятся. Следовало сделать так, чтобы в грелку они могли заходить сами всякий раз, когда им захочется. Только тогда они могут обойтись без матери, под которой они каждый час любят греться.

Об этом я думал еще во время инкубации, а теперь немедленно стал перестраивать инкубатор под грелку. Я выбил у него верхнюю доску и вынул из ящика бак вместе с трубками и стаканчиком. Затем дно ящика выложил сухой морской травой и покрыл куском старой клеенки, чтобы с нея можно было сметать и смывать грязь и навоз, который несут цыплята. Клеенку прибил гвоздиками. Стенки внизу обложил ватой и обил старым сукном,—так цыплятам будет мягче прислоняться к ним.

Наконец, бак установил на такой высоте, чтобы цыпленок, стоя на полу (на дне), не задевал за него головой. И приладил новые приспособления, чтобы можно было устанавливать бак все выше и выше, когда цыплята начнут расти. Верхняя доска мешала бы этому и потому я отнял ее совсем.

А вместо доски устроил покрывку из куска сукна, который можно было укладывать и в один, и в два ряда (сложивши вдвое). Сквозь сукно воздух еще лучше может проветриваться.

Отверстие, куда входил прежде выдвижной ящик, я немного расширил и закрыл занавеской, под которую цыплята легко могли и входить, и выходить из ящика. Внутри ящика под самым баком я натянул рядами веревочки и на них подвесил кусочки сукна. Путаясь в этих кусочках, цыплята могли чувствовать себя точно так же, как в перьях матери.

Для этого переустройства я изрезал ножницами свой старый пиджак, который к весне пришел в полную ветхость.

Так как бак теперь стал выше, то пришлось поднять на подставочке и лампу, которая нагревала бак сбоку инкубатора. Ко входу в инкубатор я приставил доску в виде наклонной плоскости. Цыплята скоро привыкли к ней, сами сбегали оттуда и сами же находили дорогу туда. Разумеется, теперь я нагревал его непрерывно только ночью. Днем же тушил лампочку и зажигал ее только по мере надобности, в холодные или пасмурные дни.

Но первые три дня я продолжал обходиться кастрюлей. Цыплята почти ничего не ели, мало двигались и больше сидели в гнезде. Но как только они окрепли, я выпускал их гулять подольше и забавлялся с ними по целым часам, изучая внешность и повадки каждого в отдельности. Действительно, я получил себе ту забаву, которой желал и к которой так на-

стойчиво стремился. Эти нежные беспомощные глупеныши доставляли мне много самого невинного удовольствия. И я все время жалел, что многие взрослые, а особенно дети, не могут доставить себе такого высокого наслаждения.

Один цыпленок все хирел с первых же дней. Оставался вялым, мало подвижным и мало ел. Это был тот, у которого ниточка на лапке. На 5-й день он околел. Кто скажет, был ли он от природы таков, или стал таким по вине моего инкубатора? Зато все оставшиеся жить были молодец к молодцу. И скоро стали такими бегунами, что не догнать их.

XXVIII. Чего ожидал и что увидал.

Я ожидал, что мои новорожденные будут очень страдать без матери. Мать для них больше, чем грелка. Прячась у нея под крыльями, они находят не только тепло, не только защиту от дождя, но и от всех врагов, которые могут угрожать им. И не только это. Вместе с приютом, они находят у матери ту ласку и то внимание, какое дорого всякому птенчику. Наконец, мать отыскивает для них пищу, роется в земле и ежеминутно показывается, где можно находить себе все, чего хочется, в добавок к тому корму, который дается в кормушке.

Я ожидал, что они будут беспомощными сиротками, которые будут горевать в своем невольном одиночестве. Ничего они не знают, ничего не умеют, и никто не сможет показать им все богатство Божьего мира. Того мира, в который они пришли необычайным способом, новыми, странными пришельцами, и в котором все для них должно быть так чуждо, и так непонятно.

Но я весьма ошибся. Едва они оправились, они стали смело бегать по комнате, и не обнаруживали ни малейшего страха перед неизвестными им предметами. Их никто не окликал и никто не показывал, куда нужно идти. По всем признакам, они совершенно не нуждались ни в каком руководителе. Сами они постоянно «пикали». По этому пиканью они находили друг друга даже и тогда, когда теряли из виду. Оно помогало им не рассыпаться и держаться вместе, общим выводком. Никто не «квокчет» возле них, никто не созывает их своим голосом, и тем не менее они никогда не

разлучаются и всюду двигаются совместно. Очевидно, природа связывала их крепче всякого материнского зова.

Бывало, на дворе один замешкается где-нибудь в углу, отлучится от стаи и потеряет всех остальных. Тогда он поднимает громкий тревожный крик, и кричит, пока не найдет товарищей. Этот крик означал тревогу. Но тревогу не от того, что он потерял мать, которой он совсем не знал, а от того, что потерял других себе подобных, без которых он не чувствовал себя в полной безопасности. Заменяли ли ему товарищи их общую мать? Или они внушали ему чувство безопасности, а одиночество вызывало невольный, непреодолимый страх?

Ко мне они привыкли с первых же дней и с первых же дней стали совершенно ручными. Я по нескольку раз в день брал каждого цыпленка в руки, и ни один из них ничем не выражал, что это им не нравится. Если бы была мать, она выражала бы большое беспокойство всякий раз, как я ловлю и беру цыпленка. Этим она отпугивала бы их от меня и делала бы их более дикими. Теперь отпугивать было некому, и привычка установилась очень быстро. Они видели, что я даю им корм и воду, и укладываю на ночь в теплое место. А когда держу их в руках, и посягаю на их неприкосновенность, они чувствовали только одну приятную теплоту и ничего больше. Все это доставляло им удовольствие. И потому, ко мне они стали относиться, как к большому живому существу, от которого можно всегда ожидать чего-нибудь приятного.

Подростая, они становились более понятливыми, и тогда сами шли ко мне за этим удовольствием. Если они были голодны, а я сидел где-нибудь по близости, они собирались возле меня и устраивали передо мной «голодный концерт», т. е. громко и настойчиво пикали, пока я не давал им корма. Если им было холодно, а я сидел тут же, они без церемонии лезли на меня с такой же настойчивостью с какой забирались бы под мать, если бы она была у них. Один забирался в рукав, другой за пазуху, третий бродил по мне, как по грелке, пока тоже не отыскивал местечка потеплее.

Если заблудившийся или отставший цыпленок не находил своих товарищей, а находил меня, то он тотчас же успокаивался, Его страх и беспокойство тогда мигом исчезали. Выходило так, что во мне он видел надежного защит-

ника, который может заменить мать. В моем присутствии он, значит, уже не чувствовал себя одиноким.

Но я не сказал бы, что в отношении меня они питали такие же чувства, какие дети питают к родителям. Вообще у них не заметно было никаких таких чувств. Без матери они во всех отношениях чувствовали себя так же прекрасно, как чувствовали бы и при ней. Природа обрекла их на то, чтобы их выращивала и «выводила» наседка. И однако они столь же легко чувствовали себя и без всякой наседки. Я думал, что они будут чувствовать и вести себя, как бедные покинутые сиротки. А они, не видевшие никогда матери, каждый день обнаруживали передо мной, что мать им вовсе не нужна. Не нужны были им и вообще взрослые куры. С первых же дней, когда они привыкли ко мне, они чувствовали себя со мной, наверное, гораздо приятнее, чем чувствовали бы себя в обществе посторонних кур.

Один опыт такой мы проделали. Рыбаки внимательно следили за ростом моих кур и за их нравами. Им казалось, что они, как выведенные и выращенные человеком, не будут похожи на других кур. И потому они охотно согласились на мою просьбу. А я просил их привезти мне для опыта на один день двух кур из одного двора, т. е. таких, которые привыкли друг к другу. Рыбаки не колеблясь пообещали это.

Это было, кажется, через месяц после рождения цыплят. Куры были привезены в корзине и тотчас выпущены на мой «берег». В незнакомом месте и с незнакомым человеком они чувствовали себя растерянно. На цыплят они посмотрели равнодушно, как на такую семейку, которая встречалась им каждый день. А цыплята отнеслись к ним без всякого страха, но и без всякого же внимания.

Когда куры немножко освоились с местом и пошли рыться на моих грядках среди зелени, там же поблизости были и цыплята. Один подбежал было поближе, чтобы схватить что-то возле курицы, но та клюнула его так сильно, что он моментально отскочил от нее с писком. Это заметили другие цыплята и уже не подходили близко. Зато, как только я позвал их обычным «цып-цып», они со всех ног побежали ко мне. Куры же только посмотрели в мою сторону, но подойти не решились. Рыбаки с большим интересом наблюдали все эти сцены первой встречи. И затем решили, что цыплята на-

стоящие. И что ведут себя они с посторонними курами совсем, совсем как следует, т. е. так же, как и всякие другие цыплята.

— Превосходно! сказал Джек. Мать для них совсем не нужна и они не чувствуют в ней никакой надобности. А я думал, что они тотчас бросятся к нашим курам под крылышко и будут очень обрадованы, когда увидят своих «тетенок»!

Рыбаки уехали, а через день опять увезли своих кур. Нового за эти два дня ничего не произошло между курами и цыплятами. И мы все остались при том же мнении, которое составили себе во время первой их встречи. Приучить их друг к другу было можно. Но природа не установила между ними никакого особого или заметного влечения. А между тем, куры эти были со двора Джека, который мне привез яйца для насиживания. Может быть, среди его яиц были и те, которые снесены этими самыми курами. Т. е. эти две курицы видели теперь своих собственных детей и остались к ним совершенно равнодушными.

XXIX. Самонаука и самодеятельность.

Особого беспокойства цыплята мне не доставляли. Только в первые дни, когда их все время приходилось обогревать, я повозился с ними достаточно. Но грелка действовала отлично, а ловить их и сажать туда было не трудно. Но два цыпленка были вначале особенно дики. Они не подходили близко, бежали от моих рук и громко кричали, когда я подкравшись схватывал их. Если бы была мать, она бросалась бы при этом на выручку и поддерживала бы их в этой природной дикости. Но теперь никто не спешил их выручать, никто не беспокоился от их крика, а я каждый раз держал их очень бережно и не делал им никакой неприятности. Поэтому и эти двое через недельку стали совсем ручными. Вероятно, решил я, эти дикари будут петушками, так как куры от природы гораздо ручнее.

Учить их клевать тоже не было никакой надобности. Природа здесь позаботилась без нас и научила их от самого рождения. С первого же дня, как только цыплята стали на ноги, они старались клевать всякое мелкое пятнышко на полу, которое они принимали за зерно, или за чтонибудь другое, съедобное. В это время они еще не хотели есть и, значит,

пробовали клевать не от голода, а только для практики. Они просто учились этому важному для них делу. При этом упражнялся у них и глаз и клюв. Глаз учился различать предметы, и даже не самые предметы, а только отличать пятна от предметов. Это для них было очень важно. Иначе, им приходилось бы находить пищу ощупью и при этом делать много напрасных движений головой, шеей и носом. Клюв же упражнялся при этом схватывать предмет и нацеливать в него метко и безошибочно, так как без этой меткости они, например, не могли бы схватывать живых насекомых.

Вначале нацелить им было весьма трудно. И когда я давал им раскрошенное вареное яйцо, то в каждый кусочек яйца они с трудом попадали клювом и всякий раз делали неловкие, неуверенные движения головой. Но спустя недели две, они уже приобрели прекрасный навык. Они весьма ловко схватывали маленькое просяное зерно, и при этом никогда не ошибались попасть клювом прямо в него. И это делалось чрезвычайно быстро, так быстро, что мой глаз с трудом успевал замечать каждый отдельный удар клюва по маленькому зернышку.

Очевидно, они выучились своему первейшему делу очень скоро. А единственной учительницей их в этом была сама природа. Никто не показывал им, как нужно клевать. Ни от кого не видели они никакого примера или образца для подражания. И все таки обучились прекрасно. Было очевидно, пример матери для обучения этому искусству совсем не играет никакой роли, а если играет, то роль самую незначительную. Может быть, при матери они научились бы на несколько дней ранее.

Легко научившись клевать без матери, они также легко научились сами разбирать, что можно есть, а чего нельзя. Разумеется, если я сам давал им корм то все это было вполне с'едобно. Но они никогда не довольствовались тем, что я давал, а постоянно сами чего нибудь искали.

Искать было для них такою же потребностью, как бегать и взмахивать крыльями, хотя эти крылья никогда не летали. Искали, не находили и опять искали. Случайно оброненное зерно, кусочки раковины, занесенной сюда какими нибудь пернатыми, проростающая травка, может быть насекомое, давно залетевшее сюда на яркий свет фонаря,—все это годилось им в рот. Сначала они пробовали, ощупывали клювом,

можно ли проглотить или нет, а затем скоро научились распознавать все нужное и отличать полезное от бесполезного. Никто их не учил этой науке. Они и в этом деле прекрасно обошлись без материнской помощи.

И с полной очевидностью доказали старую истину, что даже среди цыплят самодеятельность приводит к прекрасным результатам, к таким же, как и у людей.

Сначала я думал, что при моем внимательном уходе они выростут вполне беззащитными. Ведь у меня они живут, в полной безопасности, никогда не слыша никаких тревожных звуков. Не понимая опасности, они не будут остерегаться. Значит, выростут доверчивыми тюфьяками и будут совершенно неспособны избегать врагов и хищников. Но я и в этом ошибся.

Однажды в хорошую погоду я наблюдал за ними, как они безмятежно паслись в нашем тесном уголку возле зеленеющих грядков. Как вдруг, над головами, слегка шумя крыльями, пролетело несколько больших чаек. Первый цыпленок, увидавший их, как то по особому цыкнул, и все моментально замерли и остались безмолвны и недвижимы. А до этого они не переставая пикали. Очевидно, это был особый прием — притаяться как можно лучше, чтобы пролетающий хищник не заметил их. Они ведь не могли различать, хищник ли пролетел или не хищник. На всякий случай притаяться безопаснее, чем лезть на глаза кому то большому, летящему над ними.

Природа и здесь оказалась мудрым учителем. Она глубоко заложила в самые недра живого существа, те привычки и склонности, которые будут необходимее всего или полезнее всего в его жизни. Она же заложила и страх перед опасностью, и страх перед одиночеством. Но тот и другой страх выражался у них совершенно различно. При опасности со стороны хищника, природа заставляла моих птенцов замирать в неподвижной позе. А при опасности в одиночестве — кричать как можно громче, чтобы сотоварищи скорее услышали и подали свой голос заблудившемуся.

Одиночество всегда очень волновало их. Они созданы природой для того, чтобы жить стаями. С первого дня и с самого рождения каждый из них привык к сотоварищам. И потому сильно беспокоился, если я отделял его от компании. Если бы у меня вывелся всего на всего один цыпленок, вероятно, он

скоро привык бы и к одиночеству. И только чаще искал бы общения со мной. Теперь же они составляли одну дружную неразрывную семью, и никак не хотели разлучаться друг с другом.

Для скорейшей выгонки огородной рассады у меня был устроен маленький парничок. Для этого я подобрал в подвале одну какую то свободную раму и сбил из досок низкий ящик без дна, как раз по размерам этой рамы. Раму я прикрепил в виде крышки к этому ящику и у меня получился готовый парник. Такой рамой можно было покрыть любой участок грядки, и тогда этот участок сильно нагревался солнцем.

Под эту-то раму я и сажал цыплят, пока они были очень малы. Вместо того, чтобы парить их на душной и темной керосинке, я высаживал всех в корзинку и переносил на двор. Здесь покрывал рамой любой солнечный уголок и усаживал под нее весь свой выводок. Иногда температура под рамой поднималась выше 40° и приходилось ее приподнимать, чтобы солнце не обожгло моих юных питомцев. Зато, нагревшись, рама долго держала тепло и после того как солнце скрывалось за облака.

Здесь было так тепло, что им не надо было прижиматься друг к другу. Они тихо и молча лежали, свернувшись комочком, и только щурились от ярких лучей солнца. Вода для питья стояла здесь же. Но когда они проголодаются, то скоро сообщат мне об этом. Тогда я слышу, как начинает раздаваться их пиканье. Сначала раздаются тихие одиночные голоса, потом они становятся все громче, настойчивее и дружнее и, наконец, обращаются в настоящий концерт или «хоровое пение». Это означало совершенно ясно, что пора их кормить.

Вот под этой то рамой я иногда и оставлял одинокого цыпленка. Всегда он поднимал там самый отчаянный крик. Если я сажал его прямо из комнаты, то этот крик, выражавший беспокойство и недовольство, можно было объяснить переменой места и освещения. Но иногда я делал иначе. Сажал под раму сразу всех, а потом среди их полного покоя и мирной дремоты, я вынимал пятерых и уносил куданибудь подальше, чтобы не было слышно их голосов.

Тогда оставшийся цыпленок тотчас приходил в возбуждение и особенными звуками начинал выражать свое беспокой-

ство. Эти звуки сначала были редкими и отрывочными, а затем становились все чаще и чаще и, наконец, превращались почти в сплошные крики. Крики эти были точ-в-точь такие же, какие издает цыпленок, когда он теряет из виду мать. Такие же точно крики раздавались у меня и тогда, когда цыпленок на свободе сам терял из виду остальных сотоварищей.

Очевидно было, тревога возникала не иначе, как от одиночества. Цыпленок не мог сообразить, что под рамой он находится в совершенной безопасности. Не мог понять, что эта безопасность ничуть не уменьшается от того, что он остался один. Для такого соображения не хватало его куриного мозга.

И любопытно вот что. Если во время его тревожных криков я подходил к раме и оставался возле нее стоя или сидя, цыпленок, озиравшийся во все стороны, скоро успокаивался и совершенно умолкал.

Я пробовал проделывать такие опыты с каждым из моих цыплят и все они держали себя совершенно одинаково. Значит, страх, одиночества был одинаков у всех. И он несколько не зависел от личных качеств, либо от сообразительности того, или другого отдельного цыпленка. Стадное животное, очевидно, никогда не может перестать быть стадным. И оно чувствует себя совсем нехорошо, если случайно оторвется от стада. На птенцов или на молодое поколение этот страх одиночества действует гораздо сильнее, чем на взрослых.

XXX. Быстры, как волны...

Быстро катились яркие, теплые солнечные дни. Купанье в море, чистый воздух, полнейший отдых не только восстановили мои расшатанные силы, но и укрепили мое здоровье самым лучшим образом. Доктор оказался прав. Я прекрасно окреп, поздоровел, нагулял новый румянец на щеках и новую физическую силу в мускулах. Сила эта давно рвалась к деятельности более широкой.

Мое потомство выросло, и с каждым днем все меньше и меньше нуждалось в моем уходе. А вместе с тем оно мне уже достаточно прискучило и теперь почти несколько не развлекало меня. Вот пропел в первый раз один петушок. Каким то сильным, детским, негармоничным голосом! Через день он еще дважды пропел. А через неделю ему стал подражать другой петушок.

Рыбаки не раз засиживались перед моими цыплятами и любовались их видом. Они разбирали их «по косточкам» и решали, будут ли они настоящими курами во всех статьях. Сначала они утверждали, что намечавшиеся по виду петушки никогда не запоют.

— Не настоящие они! говорил Джон. Не будет у них настоящей петуховской манеры. Да и учить их петить здесь некому. Разве только будут покрикивать вроде чайки. Слушайте, вот она обучает их своему крику!

В этот момент как раз над нами пролетали чайки и кричали.

Я не возражал. Я уже много раз убедился, что куриных птенцов ничему не надо учить, так как всему их научает природа. Так оказалось и с петушками. Когда рыбаки в первый раз услышали их детское пение, тот же Джон воскликнул:

— Ишь, бестия, как выделяет! Сам себя учит! А между прочим выходит точка в точку так же, как и у нас на деревне.

Вообще мои рыбаки не переставали восхищаться цыплятами. Они видали их лишь изредка и на короткое время. И для них все было ново и в диковинку. Я же охладевал к ним все больше и больше. Мои мысли и мои мечты неслись теперь уже далеко за пределы моей одинокой скалы.

Стояли теплые августовские дни. Наступили вновь темные ночи. Они были также темны и также очаровательны, как и те первые ночи, в которые я прибыл сюда год тому назад. Я уже считал дни пребывания здесь. Немного осталось их до условного срока! И я знал, что последний день придет очень скоро, что я с восторгом вступлю на рыхлую землю, свободную от моря. И там, на ее широком и надежном просторе, опять расправлю свои окрепшие крылья.

Вечером я подолгу простаивал под огромным, открытым шатром звездного неба и уносился мыслию в его блестящие, далекие миры. Быть может, они тоже населены живыми существами. И эти существа там столь же многочисленны, как многочисленны они на земле. Кто то их населяет там? И не населяет ли там их великий разумный человек, совсем непохожий на земного человека? Быть может, он обладает там более глубокими знаниями и большим могуществом. И потому умеет, согласно своему желанию, населять всю планету жи-

выми созданиями. В таком же роде, как я сумел бы здесь на земле вплотную населить любой остров цыплятами, утятами, гусенятами и всякими пернатыми вообще.

А быть может, там и ничего нет. И все, что мы думаем о жителях других планет, есть только одно наше воображение. Ведь мы видим только горящие звезды, т. е. далекие солнца. А ни на каком солнце невозможно жить. Планеты же не светятся своим светом и потому, кроме наших немногих планет, все они совершенно невидимы. Что же мы можем думать о далеких мирах, которые невидимы, и о которых мы не можем сказать наверное даже и того, существуют они, или не существуют.

Днем я мечтал уже совсем о другом. Я решил собрать здесь в Англии нужные для меня сведения относительно сельского хозяйства, и затем вернуться в Россию без замедления. Там я устроюсь не иначе, как при земле. Для успешного возделывания ея мои разносторонние знания будут сто крат полезнее, чем где нибудь в городе.

В эти мечты я погружался так глубоко, что забывал все окружающее. Очнувшись я с удивлением замечал, что цыплята осаждают меня штурмом: лезут на плечи, вспархивают на голову, теребят за рукав и настойчиво требуют есть.

XXXI. Переезжаю на берег.

Однажды вечером я стоял, погруженный в свои мировые думы на выступе скалы, обращенном к открытому морю. Как вдруг около меня раздался громкий голос, от которого я вздрогнул:

— Здорово, товарищ!

Я обернулся. Предо мной стоял незнакомый мне мужчина, и я не мог понять, каким образом здесь очутился человек. Уж не свалился ли он с тех миров, тайну которых я тщетно силился разгадать?

Мое удивление еще более усилилось, когда я услышал шаги людей за окном башни. Но лишь только в звездном полумраке мелькнули их тени, я тотчас успокоился: это были мои рыбаки.

Я их не ждал в этот час. А за башней не было слышно их причаливания. И потому они подъехали на парусе совершенно незаметно для меня. Человек, удививший меня своим

возгласом, ходил в веревочных туфлях и потому шаги его были совершенно неслышны. А может быть, задумчивость моя была уж очень глубока.

Скоро дело разъяснилось. Это был новый маячный сторож. Мне оставалось до срока только две ночи и он, несмотря на глубокие сумерки, упросил рыбаков свезти его ко мне. Ему хотелось в моем присутствии понаблюдать за действием фонаря и убедиться в его полной исправности. В случае надобности, я успел бы дать ему необходимые указания и разъяснения.

Я тут же условился с рыбаками, что после завтра, 27-го, они ровно в 12 часов дня приедут за мной и освободят меня из этого добровольного заточения.

И вот, наконец, я дождался. Они приехали. Уложили мои вещи на дно лодки и предоставили мне сажать туда же и моих цыплят. Но я не хотел прятать их в корзину. Мне хотелось посмотреть, как на них будет действовать самый переезд, качание лодки и открытая вода.

Заманить их в лодку было очень легко. Я нарочно кормил их в этот день так, чтобы к 12 часам они хорошенько проголодались. Не подозревая событий, они в это время неотступно следовали за мной по пятам. Когда все было готово, и рыбаки сидели на веслах, спустился и я к лодке. Спустились за мной и цыплята. Я стал в лодке и посыпал пшеницы на скамью и на ее борт так, чтобы цыплята видели зерна. Борт ее примыкал в плотную к отвесу скалы, и цыплята без всякого опасения попрыгали с берега в лодку.

— Все? спросил Джон.

— Все! ответил я.

В этот момент он отпихнулся веслом и мы весело рассмеялись. Смеялся и мой преемник, оставшийся на скале в одиночестве. После завтра рыбаки привезут к нему его семью. А сегодня они увозят мою семью.

Цыплята, занятые едой, даже не заметили, что они очутились в утлой ладье, над морскими пучинами. Пучины эти сейчас были не страшны. Лодка тихо покачиваясь, незаметно но быстро скользила по воде. Скала, на которой я провел столько уединенных дней, была уже далеко от нас. Она казалась все меньше и меньше и все бесприютнее. Цыплята, наконец, заметили, что с ними случилось что-то неладное. Они

с тревогой вытягивали шеи и поминутно озирались на широкую и пустынную водную гладь.

На берегу нас ожидала целая толпа людей, больше все женщины и дети. Им хотелось раньше видеть собственными глазами мой выводок. Впереди стояла жена Джека с приготовленной корзиной. Мы уже условились, что весь мой выводок поступает ей в подарок и она может делать с ним что угодно.

Цыплята от удивления совсем оцепенели. И огромный берег суши, и разноцветная толпа людей, и вся необычайная обстановка, видимо, действовали на них и волновали их в сильной степени. Они притихли и на скамье лодки тесно жались друг к другу. Я торжественно при всех пересажал их в корзину, показывал каждого в отдельности, какой он у меня ручной и какой покладистый. Корзину прикрыли скатертью. Один паренек взял ее на голову и при общем смехе и шутках понес вверх по берегу к деревне, которая виднелась вдали на возвышении.

Остаток дня я провел в семье моего милого Джека, с которым мы окончательно подружились. А рано утром уехал на ближайшую станцию железной дороги, направляясь в Лондон по заранее намеченному адресу.

XXXII. Счастливый конец.

Прошло 7 месяцев. Стоял апрель в разгаре. Я жил уже в глубине Самарской губернии, где я арендовал небольшой участок земли и в это время весь был погружен в весенние хозяйственные планы. Английские переживания остались далеко позади и понемногу стали забываться. Однажды земский почтарь не без удивления подал мне письмо с английской маркой и с лондонским штемпелем. Для меня оно тоже было неожиданным, потому что никакой переписки с Лондоном я не вел. Я разрываю конверт и читаю:

«Дорогой товарищ! Спешу известить вас, что ваши куры, которых вы оставили нам цыплятами, оказались во всех статьях самыми настоящими курами. Неделю назад одна из них снесла настоящее яйцо, а сегодня сделала тоже самое и другая. Для нас с женой это было весьма приятной новостью, потому что наши соседки никак не могли допустить, чтобы керосинка могла сделать вполне годных

кур. Они все насмехались над ними и считали их «никудашными». Теперь они прикусили свои язычки, а мы глядя на ваших «дочек», не нарадуемся. Они попрежнему остаются такими же ручными, сами ходят в комнату, влетают в окно, приходят и садятся на колени и, если дать им волю, становятся даже назойливыми. Видя их у себя, мы постоянно вспоминаем про вас и желаем вам полного счастья и успеха в вашей полезной жизни.

В деревне у нас решили уже построить артельный инкубатор, сразу на сто штук. Порадуйтесь за нас, потому что вы были единственным виновником такого новшества для нашего маленького заброшенного и уединенного поселка».

Письмо было адресовано в Лондон по тому адресу, который я оставил у добрейшего Джека, а оттуда его уже переслали друзья мне в Россию.

Это письмо вновь оживило во мне все инкубаторские увлечения и тотчас окрылило меня новыми стремлениями.

В ближайшее воскресенье я созвал представителей нашего кредитного товарищества и убедил их сделать первую пробу: построить общими силами инкубатор на 200 яиц.

Предложение, после долгих споров, было принято. Но как у нас пошло дело, об этом я расскажу вам когданибудь в другое время.

45к
Цена ~~60~~ руб.

Адрес Издательского Кооперативного союза «Кооперация»: Петроград, Надеждинская ул., д. № 36, кв. 11.

Адрес для телеграмм: Петроград-Книгосоюз.